

КЛАДБИЩЕ НАД ГОЛОВОЙ

КНИГА О ВИЛАРДИТЕ, КОМАНДОРЕ
ОРДЕНА ИИСУСА ХРИСТА В КАЛАБРИИ,
И О ТОМ, КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ
ГОРЯЩИЕ МОГИЛЫ АСПРОМОНТЕ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

ЛАБОРАТОРИЯ СЮКУМЭЙРЮ · 宿命流 · 2026

«КЛАДБИЩЕ НАД ГОЛОВОЙ»

Автор: Олег Мальцев

Издание: European Academy of Sciences of Ukraine, 2026. — 123 с.
ISBN: 978-1-972646-07-6

«Кладбища не лежат. Кладбища горят» — эта калабрийская ночная заметка открывает дверь в мир, где мёртвые стоят выше живых. Въезжая в ночную Калабрию, путник видит не звёзды, а тысячи свечей на горных склонах — гирлянды огней, принадлежащие могилам Аспромонте. За этим величественным зрелищем скрывается строгий порядок и воля Хозяина, создавшего систему, которую невозможно уничтожить внешним воздействием, так как её несущая конструкция нематериальна — она зашита в тишине, языке и генетическом коде семейных кланов.

Книга раскрывает секрет «горящих могил» и безымянной жертвы, лежащей в основании великой структуры. Путешествие к истокам Ндрангеты превращается в зеркало для самого читателя, заставляя его увидеть «кладбище над собственной головой» и осознать голоса предков в своих ежедневных решениях. Пройдя через двенадцать состояний, вы неизбежно измените свой способ смотреть на мир, научившись слышать тишину и видеть невидимые связи, которые держат этот мир в равновесии.

© Олег Мальцев

КЛАДБИЩЕ НАД ГОЛОВОЙ

Книга о Виллардите, командоре
Ордена Иисуса Христа в Калабрии,
и о том, кому принадлежат горящие
могилы Аспромонте

Олег Викторович Мальцев

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Перед въездом 7
ГЛАВА 1. Огни наверху 10
ГЛАВА 2. Тишина 16
ГЛАВА 3. Три слоя 22
ГЛАВА 4. Легенда о сестре 30
ГЛАВА 5. Чёрная Королева 38
ГЛАВА 6. Командор 45
ГЛАВА 7. Сборка 56
ГЛАВА 8. Гранит костей 67
ГЛАВА 9. Воплощение 78
ГЛАВА 10. Хозяин 87
ГЛАВА 11. Зеркала 96
ГЛАВА 12. Своё кладбище 107
ЗАМЫКАЮЩАЯ ГЛАВА. Что ты теперь 117

«Скит должен быть
зашит на генетическом уровне».

Энио Фалько

«Кладбища не лежат. Кладбища горят.»

Калабрийская ночная заметка

2026

ПЕРЕД ВЫЕЗДОМ

Пролог

В мире, в котором ты живёшь, есть вещи, о которых тебе никто не рассказывает прямо. Не потому, что их прячут. Потому, что их не объясняют. Они работают — это всё, что от них требуется. Старая фамилия, которая держит свой дом четыреста лет.

Семейное ремесло, которое не разваливается ни при каких потрясениях. Орден, переживший три империи. Посёлок, в котором тебя не узнают чужим, потому что чужой не задержится. Всё это устойчивое — и ни одно из них не объясняет, почему оно устойчивое.

Ты замечал это и раньше. Ты ходил мимо таких структур ичувствовал, что у них есть что-то, чего у тебя нет. Не богатство. Не сила. Что-то другое — какая-то внутренняя сборка, которая не зависит от обстоятельств.

Газеты называют такие явления «феноменами», экономисты — «культурным капиталом», социологи — «доверием». Это слова, которые ничего не объясняют. Они описывают тень. Они не показывают, что её отбрасывает. Эта книга — про то, что её отбрасывает.

~ Эта книга – про то, что её отбрасывает. ~

Она устроена так, что её нельзя прочитать как репортаж. Не потому, что в ней есть тайны — тайн в ней нет. А потому, что предмет, о котором она написана, прошивается не через объяснение, а через попадание в его среду. Тебя не научат «понимать Ндрангету». С тобой произойдёт другое: ты увидишь, как устроена одна из самых устойчивых организаций в мире, увидишь её фундамент, её Архитектора и её живое тело — и через это узнаешь то же самое в местах, в которых ты раньше не различал ничего.

В собственном роду в том числе.

Ты въезжаешь в Калабрию ночью. Дорога идёт по серпантину, фары вырывают из темноты только следующий поворот, и больше ничего. Так бывает первые полчаса. Потом ты замечаешь свет — не впереди, а наверху. Ты поднимаешь глаза и понимаешь: это не звёзды.

~ Это свечи. ~

Над дорогой, в горах, висят кладбища. На каждой могиле горит свеча. Их сотни, тысячи; их видно гирляндами по склонам, и они не гаснут. Кто-то их зажигает каждую ночь, и кто-то поддерживает огонь. Ты не видишь этих людей. Ты видишь только огонь.

Это первое, что Калабрия показывает приезжающему. Не своих живых — своих мёртвых. Они над тобой. Они светятся. Они смотрят на тебя сверху.

Турист едет дальше. Турист думает, что это красиво. Турист останавливается, делает снимок, едет дальше; через два дня он этого не вспомнит. Ему повезло.

Ты — не турист. Ты приехал, чтобы понять, как устроена самая сильная организация мира, и поэтому ты замечаешь, что у этих кладбищ есть порядок. Свечи стоят не как попало. Они выстроены. Их зажигают по правилу. Кто-то распоряжается этим огнём.

~ У этих мёртвых есть Хозяин. ~

Ты ещё не знаешь его имени. Ты узнаешь его к концу этой книги. Сейчас ты только въезжаешь, и тебе нужно сделать одно: не торопиться. Калабрийский темп — это темп тех, кто знает, что мёртвые не спешат. У них есть время. У них есть всё время мира. У тебя — столько, сколько осталось.

Ты переключаешься на низкую передачу и едешь по серпантину тише.

~ Кладбища висят над тобой. ~
~ Они горят. ~

С тобой будет договор. Без оговорок. Без обещаний.

† **Первое.** Ты читаешь эту книгу медленно. По одной главе в день, не больше. Если ты прочтёшь две — третья тебя не возьмёт. Прошивка работает только на один такт в сутки.

† **Второе.** После каждой главы ты выполняешь одно действие, которое в ней прописано. Оно занимает пятнадцать минут. Не сорок. Не два часа. Одно короткое действие, которое ты совершаешь в том

состоянии, в которое тебя ввела глава. Если ты пропускаешь действие — следующая глава ничего не добавит. Главы строят друг на друге; пропустишь ступень — окажешься в начале.

- **Третье.** Ты не комментируешь то, что читаешь. Ни вслух, ни про себя. Не «я согласен», не «это интересно», не «это перебор». Книга идёт мимо твоего согласия. Она работает в другом слое.
- **Четвёртое.** Ты не пересказываешь её другим, пока не дочитаешь до последней страницы. Сейчас она работает в тебе — не в собеседнике.
- **И последнее.** Если ты сделаешь всё это правильно, на последней странице ты будешь не тем человеком, который открыл первую. Это не образ. Это технология.

~ Договор. ~

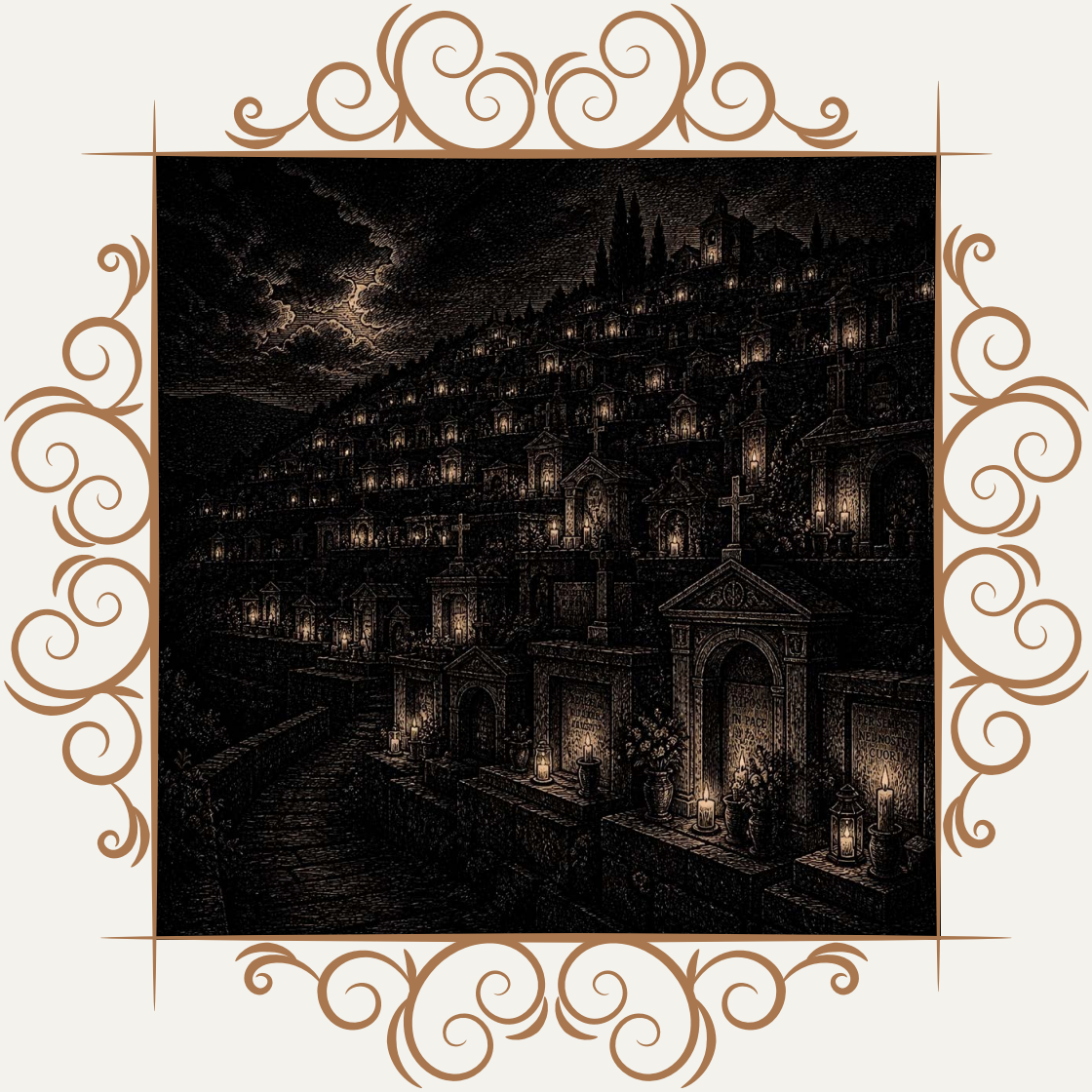
Если согласен — переключай передачу и поезжай тише. Глава первая.

ОГНИ НАВЕРХУ

Глава 1

Ты остановился на обочине. Заглушил мотор. Вышел из машины. Стоишь в темноте и смотришь вверх. Воздух в Калабрии в горах в октябре пахнет камнем и сухой травой. Ни моря, ни сосен — только камень. Над тобой — склоны, и по этим склонам тянутся огоньки. Ты сначала думаешь: дом. Потом: ещё один дом. Потом понимаешь — нет, не дома. Дома горят жёлтым изнутри, окнами. Эти огни одинаковые, маленькие, ровные, белые. Они не из окон. Они снаружи.

Ты долго не можешь понять, что это, потому что в твоей картине мира свет в горах — это либо жилое, либо дорожное, либо звёзды. Эти огни — ни то, ни другое, ни третье. Они принадлежат могилам.

В Калабрии кладбища строят на склонах. Это связано с географией: ровной земли мало, всё, что годится под пашню, занято под пашню, и мёртвых поднимают наверх, на склон, чтобы не забирать у живых. Это утилитарное объяснение. Оно правильное в той мере, в какой все утилитарные объяснения правильные — то есть отчасти.

Полное объяснение другое. Кладбища в Калабрии стоят над дорогами не потому, что внизу нет места. Они стоят над дорогами потому, что так было решено. Ты живёшь внизу. Они смотрят на тебя сверху. Это первая и неотменяемая иерархия Калабрии: мёртвые выше живых.

Свечи на могилах горят круглый год. Их зажигают каждую ночь. Это не делают служители кладбища — они физически не успели бы. Это делают семьи. У каждой могилы своя семья, и в этой семье есть человек, который отвечает за свечу. Если он умирает, эту обязанность перенимает следующий. Это передаётся, как фамилия.

Турист, проезжая ночью, видит «красивое зрелище». Местный, проезжая ночью, видит свою бабушку, своего деда, своего двоюродного брата, погибшего в восьмидесятых, и человека, чьё имя в семье произносить не принято. Каждая свеча для местного — конкретное лицо. И этих лиц у него над головой — десятки.

~ У местного над головой висят его мёртвые. ~

Так устроена не вся Калабрия — так устроены районы, в которых работает Ндрангета. На севере Калабрии, в равнинных районах ближе к Базиликате, кладбища обычные, как в средней Италии. На юге, в Аспромонте, в Реджо-ди-Калабрия, в Локриде, в Платии — на склонах. Граница не на карте; она проходит по горам и по тому, какая фамилия в каком посёлке кого хоронит.

Ты едешь по этой границе и не знаешь, в каком ты районе. Ты въехал ночью, и всё, что ты видишь, — огни.

Это и есть первое правило Калабрии. Прежде чем понять, где ты находишься, ты должен заметить, что ты не понимаешь, где ты находишься. Турист этого не замечает. Турист уверен, что он в Италии. Он формально прав. Но Италия для итальянца кончается под Неаполем; всё, что южнее, — другая страна, и эта страна не носит имени, и в эту страну нельзя приехать как в Италию.

В каждом посёлке этой страны есть человек, чьё имя приезжему не называют. Если ты сядешь в баре в Сан-Луке и спросишь у бармена: кто здесь главный, — тебе ответят так, чтобы было слышно отсутствие ответа. Это не грубость. Это правило. Имя главного не произносится в баре, потому что в баре могут быть посторонние, а у каждого посёлка свой главный, и его называют не «мэр» и не « директор». Его называют Капо Бастоне.

Капо Бастоне — это «глава палки». Палка здесь в прямом смысле: символ власти, унаследованный от пастушьих общин Аспромонте. Капо Бастоне — это не должность, на которую назначают. Это позиция, на которой остаются после прохождения испытаний. В одном посёлке Капо Бастоне может быть посредственным руководителем,

и его огрехи прикроют верхние уровни организации. Но он не может быть случайным человеком. Капо Бастоне — это тот, кто прошёл.

Прошёл что — мы будем разбирать дальше. В этой главе тебе не нужно знать про четыре факультета внутреннего университета Ндрангеты, про технологию «54», про систему отбора. Тебе нужно знать одно: в каждом посёлке, по которому ты сейчас проезжаешь ночью, есть человек, имя которого тебе никто не назовёт, и этот человек важнее любой видимой администрации. Видимая администрация занимается коммунальными счетами. Капо Бастоне занимается всем остальным.

Это структура. Её называют ндрина — слово, обозначающее одновременно семью и клетку организации. Ндрина — это родовая ячейка. В неё рождаются. Из неё не выходят: единственный документированный способ выхода — смерть. Иногда насильственная, иногда естественная; и в том, и в другом случае выход регистрируется не уходом, а пополнением кладбища над дорогой. Ты возвращаешься в семью с другой стороны — со стороны свечи.

~ В ндрину рождаются. Из ндрины не выходят. ~

Это не метафора. Это устройство. По нему живёт примерно сто пятьдесят-двести тысяч человек на территории Калабрии и ещё столько же — за её пределами, в зарубежных филиалах. Цифра приблизительная, потому что точную никто не знает; в этом и состоит закон Ндрангеты — точное число известно только Капо Бастоне, и он не делится.

То, что ты сейчас видишь над головой, — это материальная часть системы. Свечи показывают границы организации точнее любой карты. Где горит — там работает. Где не горит — там не работает. Италия думает, что Ндрангета — это уголовные кланы. Сами ндрангетисты так не думают. Они называют то, к чему принадлежат, иначе, и ты узнаешь как — позже. Сейчас держи в голове другое.

~ Кладбища над головой – это карта. ~

То, что Калабрия смотрит на приезжающего сверху — не кокетство и не местная странность. Это сообщение. Сообщение для тех, кто способен его принять, и игнорирование для всех остальных. Калабрия за три тысячи лет научилась пропускать сквозь себя армии римлян, греков, норманнов, испанцев, бурбонов, итальянцев, фашистов и НАТО — и не меняться. Она не сопротивляется. Она просто остаётся собой,

пока через неё проходят. Это не пассивная стойкость. Это активная техника, и у этой техники есть имя.

Её называют обманчивой тишиной. Это термин, который ввёл в исследовательский обиход доктор философии Олег Викторович Мальцев в одноимённой книге две тысячи восемнадцатого года. Обманчивая тишина — это молчание, которое выглядит отсутствием, но является присутствием. Когда местный молчит в ответ на твой вопрос, он не игнорирует тебя. Он сообщает: то, о чём ты спрашиваешь, существует, но не для тебя. Когда кладбище молчит над дорогой, оно не молчит — оно горит свечами, и каждая свеча — это слово, обращённое не к тебе. Ты слышишь язык, но не понимаешь, что он язык.

Чтобы понять, что молчание — это речь, тебе нужно остановиться и слушать. Это и есть первый шаг изучения Калабрии: научиться слышать тишину. Об этом будет следующая глава. Сейчас тебе достаточно зафиксировать одно: над тобой висят огни, и эти огни принадлежат структуре, которая тебя видит, но к тебе не обращается. Структура занята другими — теми, кто внизу, в посёлке, в ндринах. Ты для неё — проезжающий. Это твоё преимущество и твой потолок одновременно.

Преимущество — потому что тебе не нужно ничего скрывать. У тебя нет того, ради чего эта структура к тебе обернётся. Ты можешь смотреть.

Потолок — потому что смотреть и видеть — разные вещи. Турист смотрит на огни и видит огни. Ты пока тоже видишь только огни. Чтобы увидеть, чем эти огни являются, нужно пройти двенадцать состояний. Это первое.

Тебе нужно сделать одну вещь. Не сегодня вечером, не завтра. Сегодня. После того, как ты дочитаешь эту главу.

Когда ты будешь возвращаться домой в темноте — пешком, на машине, любым способом, — посмотри на свет в чужих окнах. Пятнадцать минут. Не больше, не меньше. Не думай, кто там живёт. Не оценивай, какие шторы. Не строй гипотез, что у них за жизнь. Просто смотри на огни как на огни.

Это твоё первое упражнение в калабрийском темпе.

У него есть один признак правильности. Закончив пятнадцать минут, ты не сможешь рассказать ни одной истории про увиденное. Ни одной картины. Только: я видел свет в окнах. Если у тебя в голове сложилась хоть одна история — упражнение не выполнено. Повтори завтра.

Если выполнил — переходи ко второй главе. Не раньше.

~ Огни наверху. ~
~ Ты их видел. ~
~ Достаточно. ~

ТИШИНА

Глава 2

Ты сделал упражнение, и теперь ты сидишь в баре в Сан-Луке. Заказал кофе и панино. Ждёшь. В баре трое мужчин и хозяин за стойкой. Они разговаривают — точнее, разговаривают двое, третий слушает.

Когда ты вошёл, все четверо посмотрели на тебя. Не вызывающе, не настороженно, не приветливо. Просто посмотрели и продолжили — двое разговаривать, третий слушать, хозяин вытирать стакан.

Ты сел у окна. Тебе принесли кофе. Ты пьёшь. И постепенно ты замечаешь, что в этом баре что-то не так со звуком.

Не то чтобы здесь было тихо. Двое говорят, не понижая голос. С кухни доносится посуда. На улице мотороллер. Бар как бар. Но что- то в этой тишине плотнее, чем в других барах, в которых ты бывал.

Ты пьёшь второй глоток и понимаешь, что именно не так.

~ Они говорят, но они тебе ничего не сообщают. ~

Тишина в Калабрии — не отсутствие звука. Звук есть. Иногда его много. Тишина — это отсутствие сообщения, направленного к чужому. Двое в баре могут говорить громко и долго, и при этом ты не услышишь ни одного факта, ни одного имени, ни одной даты. Они говорят между собой о вещах, которые ты не можешь восстановить, даже если ты понимаешь итальянский. Это не шифр. Это контекст, к которому у тебя нет доступа.

Эту технику в Калабрии называют омертой. Слово известное; обычно его переводят как «закон молчания». Перевод неточный. Омерта — это не закон молчания. Это закон управления речью. Ты не молчишь — ты говоришь так, чтобы посторонний ничего не вынес. Это две разные дисциплины.

Молчать умеет каждый. Управлять речью так, чтобы при многословии посторонний оставался без информации, — техника. Этой технике в Калабрии учат с детства. Когда ребёнок начинает говорить, в семье следят не за тем, чтобы он не сболтнул, — следят, чтобы он научился говорить долго, не сообщая. К десяти годам это умение становится частью обычной речи.

Именно поэтому, когда ты задаёшь местному прямой вопрос, ты получаешь длинный, вежливый, развёрнутый ответ, в котором нет ответа. Это не уход. Это форма отказа, которая внешне неотличима от участия. Местный искренне с тобой беседует — и при этом ты ничего не узнаёшь. Через полчаса ты выходишь из этого разговора с ощущением, что тебе всё рассказали, и только дома понимаешь: ты не запомнил ни одного факта, потому что фактов не было.

— Это и есть обманчивая тишина. —

Термин ввёл в две тысячи восемнадцатом году доктор философии Олег Викторович Мальцев — после двух исследовательских экспедиций в Калабрию и нескольких лет изучения родственной палермской традиции. Книга, открывающая исследовательскую серию по югу Италии, так и называется. Обманчивая тишина — это техническое описание того, что в обиходе называют омертой. Молчание, которое выглядит отсутствием, но является присутствием. Молчание, в котором заключено больше, чем в любой речи.

У этой техники несколько режимов. Их полезно различать с самого начала, потому что в течение книги ты будешь сталкиваться с каждым.

- **Первый режим — внешняя тишина.** Это то, с чем ты уже встретился: тебе отвечают и при этом ничего не сообщают. Внешняя тишина адресована постороннему. Она вежлива, она многословна, она часто содержит шутки. Её задача — оставить тебя с ощущением, что тебя не отвергли, и при этом не дать ничего, что ты мог бы вынести.
- **Второй режим — внутренняя тишина.** Это тишина между своими. Двое в баре, которых ты застал в начале главы, разговаривают именно в этом режиме. Они не молчат — они общаются плотно, на сжатом коде. Имена не произносятся, потому что между ними имена не нужны: оба знают, о ком речь. События не описываются, потому что оба их помнят. Они переходят между собой репликами, которые посторонний услышит как разговор о погоде. Это и есть язык внутренней тишины — высокая концентрация смысла на минимуме слов, доступном только посвящённым.
- **Третий режим — мёртвая тишина.** Это тишина при появлении чрезвычайных событий. Когда в посёлке что-то произошло — случилось убийство, кто-то приехал, кого-то взяли — наступает молчание совершенно особого свойства. Оно длится минуты или часы; в это время никто никому ничего не рассказывает, не спрашивает, не комментирует. После окончания этой паузы все знают всё. Никто никому ничего не сказал, но информация дошла до каждого, кто должен был её получить. Эта тишина — самая опасная для исследователя; в ней ничего нельзя сделать. Можно только заметить, что она есть.
- **Четвёртый режим — тишина свидетеля.** Если местного вызывают в суд по делу, связанному с организацией, он приходит, отвечает на вопросы, ничего не говорит. Это не страх перед местью — точнее, не только страх. Это форма принадлежности. Свидетель, который сообщил полиции имя, перестаёт быть своим — не потому, что его накажут, а потому, что он сам себя вывел из круга, в котором имена не произносятся. Это исключение он совершает над собой. Карательная сторона приходит позже и подтверждает то, что произошло раньше.

~ Сначала человек выходит сам. ~
~ Потом приходят за ним. ~

У всех четырёх режимов одно происхождение. Они возникли не одновременно с Ндрангетой и не были придуманы каким-то одним основателем как закон. Они старше. Они — техника выживания населения, которое три тысячи лет пропускает через себя армии: греков, римлян, норманнов, арабов, испанцев, бурбонов, итальянцев, немцев, союзников.

Когда через тебя постоянно идёт чужая армия, у тебя два пути. Первый — сопротивляться открыто. Второй — стать невидимым. Первый путь даёт мучеников и руины. Второй даёт калабрийцев. Калабрия выбрала второй путь не из малодушия, а из расчёта: то, что невидимо, нельзя ни уничтожить, ни ассимилировать. Армия проходит. Ты остаёшься. Так уже три тысячи лет.

Из этой исходной техники потом, когда понадобилось, была построена надстройка. Кто-то — мы будем называть его пока без имени — взял эту тишину как готовый инструмент и применил её к строительству организации. Это произошло в семнадцатом веке. На уже существующую тишину Калабрии была надстроена структура, которая использует тишину как несущий элемент. Не как защиту. Как материал.

Об этом — следующие главы. Сейчас тебе нужно зафиксировать одно: молчание Калабрии не было изобретено Ндрангетой. Ндрангета пришла на готовое и встроила его в свой каркас. Это и сделало её такой устойчивой: её базовая защита — не оружие, не деньги, не территория, а способ говорить, которому учат с пелёнок.

~ Тишина была раньше организации. ~
~ Организация устроена на тишине. ~

Это объясняет одну важную вещь, на которую обычно обращают мало внимания. Все государственные попытки бороться с Ндрангетой за последние сто лет — итальянские, союзнические, послевоенные, современные — били не туда. Они били по людям, по деньгам, по территории. Они арестовывали Капо Бастоне, конфисковывали имущество, разрушали здания. И каждый раз через несколько лет Ндрангета восстанавливалась — не потому, что у неё больше ресурсов, чем у государства, а потому, что её несущая конструкция нематериальна. Конфисковать тишину нельзя.

Это не значит, что борьба бесполезна. Это значит, что она ведётся с заведомо неподходящим оружием. Государство умеет оперировать с осязаемым: имущество, тела, документы. Когда основной несущий элемент противника — техника речи, передающаяся через семью, государство в неравных условиях.

На практике это выглядит так. Прокурор приезжает в посёлок, в котором, по агентурным данным, базируется ндрина. Прокурор разговаривает с людьми. Люди вежливы, разговорчивы, услужливы. Прокурор уезжает с папкой документов, в которой нет ни одного факта, годного в дело. Это не саботаж. Это нормальная коммуникация по местным правилам. Прокурор для них — приезжающий, и приезжающему отвечают на его вопросы во внешней тишине.

Если прокурор местный, он знает правила. Он не задаёт вопросов посторонним способом. Он либо принадлежит к другой ндрине, и тогда у него есть свои каналы, либо он принадлежит к государству и понимает, что прямой путь не работает. В таком случае он работает иначе — через перебежчиков, через семейные конфликты, через вторжение посредством технических средств. Это даёт результаты. Их немного.

Главное, что тебе нужно унести из этого места: молчание здесь — не пробел, а вещь. У этой вещи есть свойства, есть устройство, есть носители. Её можно изучать, как изучают камень. И, как всякая вещь, она имеет хозяина. Кто хозяин этой тишины, ты узнаешь позже. Сейчас тебе достаточно понять, что у неё есть хозяин.

Когда ты выйдешь сегодня из этого бара, ты пройдёшь по улице мимо нескольких домов. В одном или двух окнах будет гореть свет. На склоне над посёлком — горящие свечи кладбища. Если ты остановишься и прислушаешься, ты услышишь как минимум четыре звука: ветер, далёкий разговор, лай собаки, шум дальнего мотороллера. И в просвете между этими звуками — тишину, в которой что-то есть.

Сегодня ты её не разберёшь. Слишком рано. Тебе нужно научиться её слышать так, как слышит её местный. Местный не разбирает слова — он разбирает плотность. Плотная тишина значит одно, разреженная — другое, гудящая — третье. У этих плотностей есть имена, но в этой книге мы пока не будем их вводить.

Будет одно простое наблюдение. Тишина, которую ты сейчас слышишь, — не однородна. У неё есть слои. Что-то в ней слышно сразу, что-то нет. Это и есть переход к следующей главе.

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня. После того, как ты дочитаешь эту главу.

Найди пятнадцать минут в обычной обстановке. Это может быть транспорт, очередь, скамейка во дворе, рабочее место в перерыве. Не выбирай тихое место и не выбирай громкое. Выбери обычное.

Сядь и не объясняй себе, что происходит.

Это сложнее, чем смотреть на огни без комментария. Огни ты видел и не оценивал. Здесь ум сам начнёт объяснять: вот женщина с сумкой, она устала, она едет с работы. Вот мужчина в куртке, у него грустное лицо, у него что-то случилось. Каждое такое «объяснение» — это разговор с самим собой, в котором ты сообщаешь себе истории. Тебе нужно эти истории не сообщать.

Не «не думать» — это невозможно. А: не формулировать. Замечать происходящее без перевода в слова. Если поймал себя на формулировке — отметь, что поймал, и перестань. Снова замечай, не формулируя.

Признак правильности — закончив пятнадцать минут, ты не можешь рассказать ни одной истории про увиденное. Только: я сидел, было то-то и то-то. Без сюжетов. Если в голове сложилась хоть одна история — упражнение не выполнено. Повтори завтра.

Это второе упражнение в калабрийском темпе. Оно учит тебя слышать тишину, в которой есть слои. Без него следующая глава не возьмёт.

Если выполнил — переходи к третьей. Не раньше.

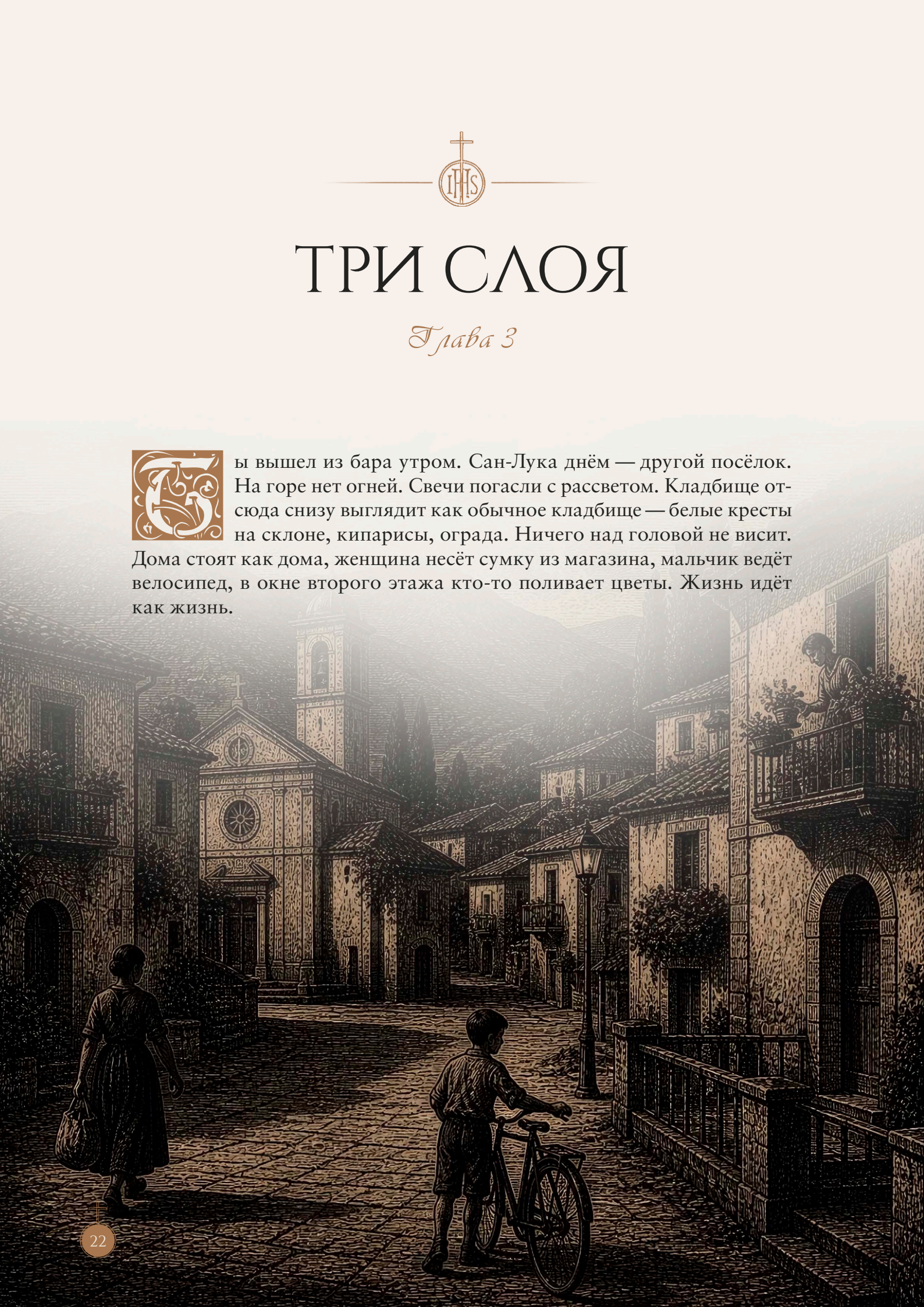
~ Тишина. ~
~ В ней что-то есть. ~
~ Слушай не разбирая. ~

ТРИ СЛОЯ

Глава 3

Ты вышел из бара утром. Сан-Лука днём — другой посёлок. На горе нет огней. Свечи погасли с рассветом. Кладбище отсюда снизу выглядит как обычное кладбище — белые кресты на склоне, кипарисы, ограда. Ничего над головой не висит. Дома стоят как дома, женщина несёт сумку из магазина, мальчик ведёт велосипед, в окне второго этажа кто-то поливает цветы. Жизнь идёт как жизнь.

И именно сейчас Калабрия впервые показывает тебе свою главную технику. Технику, ради которой существуют и бар, и тишина, и кладбища.

~ Днём всё выглядит обычным. ~

Это и есть приём. Если место кажется тебе обычным, значит, оно работает правильно. Кладбища горят ночью, разговоры идут на сжатом коде, имена не произносятся в барах — и сверх этого всё выглядит обычно. Турист, проехав посёлок утром, скажет: ну, итальянский посёлок, ничего особенного. И будет прав на одном уровне. И будет полностью обманут на двух других.

У любого дома, на который ты смотришь, есть три слоя.

- **Первый — фасад.** То, что видит прохожий: цвет стены, окна, дверь, табличка с номером. Это поверхность. Она адресована улице. Она специально устроена так, чтобы её было видно, и устроена так, чтобы за ней нельзя было увидеть остального.
- **Второй — комнаты и обитатели.** То, что работает внутри: где кухня, где спят, где принимают, где не принимают, кто хозяин, кто прислуга, кто дальний родственник, который приехал на полгода и остался. Это аппарат дома — то, как он живёт изо дня в день. Аппарат не виден с улицы, но он определяет всё, что происходит.
- **Третий — фундамент.** То, на чём дом стоит: грунт, опоры, документы на землю, история приобретения, кому он принадлежал до нынешних хозяев и кто умер в нём в прошлом. Фундамент не виден ни с улицы, ни изнутри в обычной жизни. Чтобы его увидеть, нужно либо спуститься в подвал, либо прочитать архив, либо знать. Большинство людей не спускаются и не читают.

~ Поверхность. Аппарат. Фундамент. ~

У наивных структур эти три слоя совпадают. Советский панельный дом устроен так, что фасад показывает квартиры, квартиры устроены типово, фундамент стандартный. Если ты увидел фасад — ты примерно знаешь всё. У такого дома нет тайны, потому что у него нет глубины.

У зрелых структур три слоя расходятся. Старая калабрийская усадьба может выглядеть скромно с улицы — облупленная штукатурка, маленькие окна, потёртая дверь. Зайди внутрь — три этажа, мраморные полы, стены с фресками, библиотека, винные погреба. Спустись ещё глубже — выяснится, что эта усадьба построена в шестнадцатом веке на месте монастыря, у которого был свой подвал, у подвала была своя история, и в этой истории был похоронен человек, чьего имени современные хозяева тебе не назовут, даже если ты их прямо спросишь.

Чем дольше структура живёт, тем сильнее расходятся её слои. Это закон, и он работает не только для домов.

~ Чем глубже структура, тем больше расхождение слоёв. ~

Теперь возьми ту же оптику и наведи её на Ндрангету.

Поверхность. Это та Ндрангета, которую ты видел до сих пор: газетная картинка. Уголовная организация юга Италии. Кокаин, рэкет, контрабанда, перестрелки, аресты. Фотографии людей в наручниках, которых вывозят из горных посёлков. Журналисты пишут о «спруте», судебные репортажи говорят о «кланах», полицейские пресс-релизы — о «преступной организации». Это поверхность. Она адресована постороннему — внешнему миру, государству, прессе. Она устроена так, чтобы посторонний видел именно её и не видел остального.

Аппарат. Это то, что работает. Ндрина как родовая клетка. В каждом посёлке Аспромонте — своя ндрина или несколько ндрин. У ндрины есть Капо Бастоне, у ндрины есть структура внутреннего обучения, у ндрины есть свои технологии — четыре, которые называют по числам, и о которых мы поговорим позже. У ндрины есть протоколы вступления, протоколы внутренних разбирательств, протоколы взаимодействия с другими ндринами. Ничего из этого не похоже на то, что пишут газеты. Газета пишет «клан напал на клан». На уровне аппарата произошёл протокол, описанный в кодексе, известном двум сотням людей.

Аппарат уже не виден с улицы. Но он ещё доступен исследователю. Если ты потратишь годы, изучая Калабрию, разговаривая с местными, переходя из посёлка в посёлок, выходя на людей, которые знают и согласятся сказать часть, — ты соберёшь представление об аппарате.

Это сделал Олег Викторович Мальцев, и в его книгах двух тысяч восемнадцатого и две тысячи двадцатого года аппарат описан подробно. Если у тебя есть терпение и смелость, ты можешь к ним обратиться.

~ Газета описывает поверхность. Серьёзные книги описывают аппарат. ~

Третий слой — фундамент. Это то, на чём аппарат стоит. И вот здесь начинается специальное.

Фундамент Ндрангеты не описан ни в газетах, ни в большинстве серьёзных книг. Он скрыт двумя вуалями — легендой и сакральным культом, — о которых мы поговорим в двух следующих главах. Под этими вуалями находится то, что положил в основание один конкретный человек семнадцатого века, чьё имя пока не названо. И в этом основании лежит конкретное действие, конкретная жертва, конкретная кровь.

Об этом — главы шестая, седьмая и восьмая. Сейчас тебе нужно зафиксировать одно: фундамент существует. Он не пуст. Он не «исторический миф». Под аппаратом Ндрангеты лежит то, ради чего она вообще держится четыреста пятьдесят лет, и это то — материально. У него есть имя. У имени есть носитель.

~ Фундамент существует. ~
~ У него есть Хозяин. ~

То же устройство есть у каждого человека.

- **Поверхность — это его лицо.** То, что он показывает. Манера держаться, привычная одежда, профессия, как он отвечает на вежливые вопросы, как смеётся в компании. Большинство людей знают других людей именно на этом уровне и думают, что знают ихполностью. Это и есть туристический взгляд на человека: видно фасад, кажется, что фасад — это и есть человек.
- **Аппарат — это его способ.** Как он принимает решения, к чему он на самом деле стремится, как он действует под давлением, что он делает, когда никто не смотрит. Это не лицо. Это работа. У многих людей лицо и способ совпадают; у глубоких — расходятся, и иногда сильно. Человек, у которого лицо «спокойный профессионал», может на уровне аппарата быть пожирателем времени — все вокруг него работают на его темп. Человек, у которого лицо «мягкий и уступчивый», на уровне аппарата может быть несгибаемым — он уступает мелочам и не уступает крупному. Чтобы увидеть аппарат, нужно знать человека долго и в разных обстоятельствах.

† **Фундамент — это то, на чём всё держится.** Это не «характер» в обиходном смысле. Это та сила, которая поднимает его утром, та боль, которая не зажила, та фигура, которая стоит в нём с детства и которой он подчиняется, даже когда не отдаёт себе в этом отчёта. Фундамент человека лежит, как правило, в его роду. В двух или трёх поколениях, которые сформировали его раньше, чем он сам начал что-то решать. Большинство людей фундамент в себе не различают — они в нём живут как в воздухе.

~ Лицо. Способ. Род. ~

Когда ты научишься видеть три слоя одновременно, ты будешь видеть человека, как видел только что калабрийскую усадьбу: фасад, комнаты,

подвал. Большинство собеседников будут оставаться для тебя интересными именно тем, как у них расходятся слои. Те, у кого все три слоя совпадают, — простые. Те, у кого расхождение в одном слое, — обычные. Те, у кого все три слоя разные, — сложные, и с ними интересно работать.

Те, у кого фундамент скрыт двумя вуалями — это те, кого мы будем разбирать в этой книге. Их немного, но они есть в любой эпохе и в любой культуре.

Видеть три слоя — это не три прохода анализа. Это одно зрение. У тебя два глаза. Каждый глаз видит то же самое, но с другой позиции. Картинки немного не совпадают. И именно потому, что они не совпадают, твой мозг собирает из них объём. Ты не « анализируешь» сначала левую картинку, потом правую, потом сравниваешь. Ты сразу видишь объём.

Так же устроено стереоскопическое зрение слоёв. Поверхность, аппарат, фундамент — это три глаза, смотрящих на одну ситуацию с разных позиций. Каждый видит своё. Из несовпадения собирается объём. Ты не разбираешь по очереди — ты сразу видишь дом как трёхслойный.

- Туристу виден только один глаз.
- Аналитику — два.
- Тому, кто прошёл прошивку этой книгой, — три.

Это не «больше информации». Это другой способ смотреть. Раньше дом для тебя был картинкой. После — он становится объёмом.

~ Три глаза. Один объём. ~

Калабрия дневная, на которую ты сейчас смотришь, — обычный посёлок только в одном глазу. В другом — семь ндрин с разной историей. В третьем — четыреста пятьдесят лет фундамента, который ты пока не различаешь.

К концу этой книги ты будешь различать его. Не потому, что ты прочитаешь о нём в букварном смысле, — а потому, что у тебя откроется третий глаз. Это и есть прошивка.

Сегодня ты делаешь первое упражнение для этого зрения.

Возьми любую сегодняшнюю новость. Любую. Политическую, экономическую, спортивную, локальную, светскую — без разницы. Прочитай

или прослушай её один раз. Запиши на бумаге три строки. Одну под другой.

- **Первая строка — поверхность.** Что показано. То, что говорит сама новость: произошло то-то, такие-то лица, такая-то реакция. Одно предложение.
- **Вторая строка — аппарат.** Что работает. Кто на самом деле принимает решения в этой ситуации, кто получает выгоду, кто платит, чьи интересы. Одно предложение.
- **Третья строка — фундамент.** На чём это держится. Какая структура, традиция, давнее обстоятельство, родовая фигура за этим. Одно предложение.

Главное условие. Третья строка должна быть написана независимо от первых двух. Она не «потому что» вторая. Это отдельная мысль. Если у тебя получается «А, потому что Б, потому что В» — ты написал не три слоя, а один слой, переведённый три раза. Если получились три разные мысли об одной ситуации — упражнение выполнено.

Пятнадцать минут. Не больше, не меньше.

Признак правильности — три твои строки не складываются в один абзац. Они стоят рядом, как три глаза смотрят на одну вещь. Если складываются в абзац — упражнение не выполнено, повтори завтра.

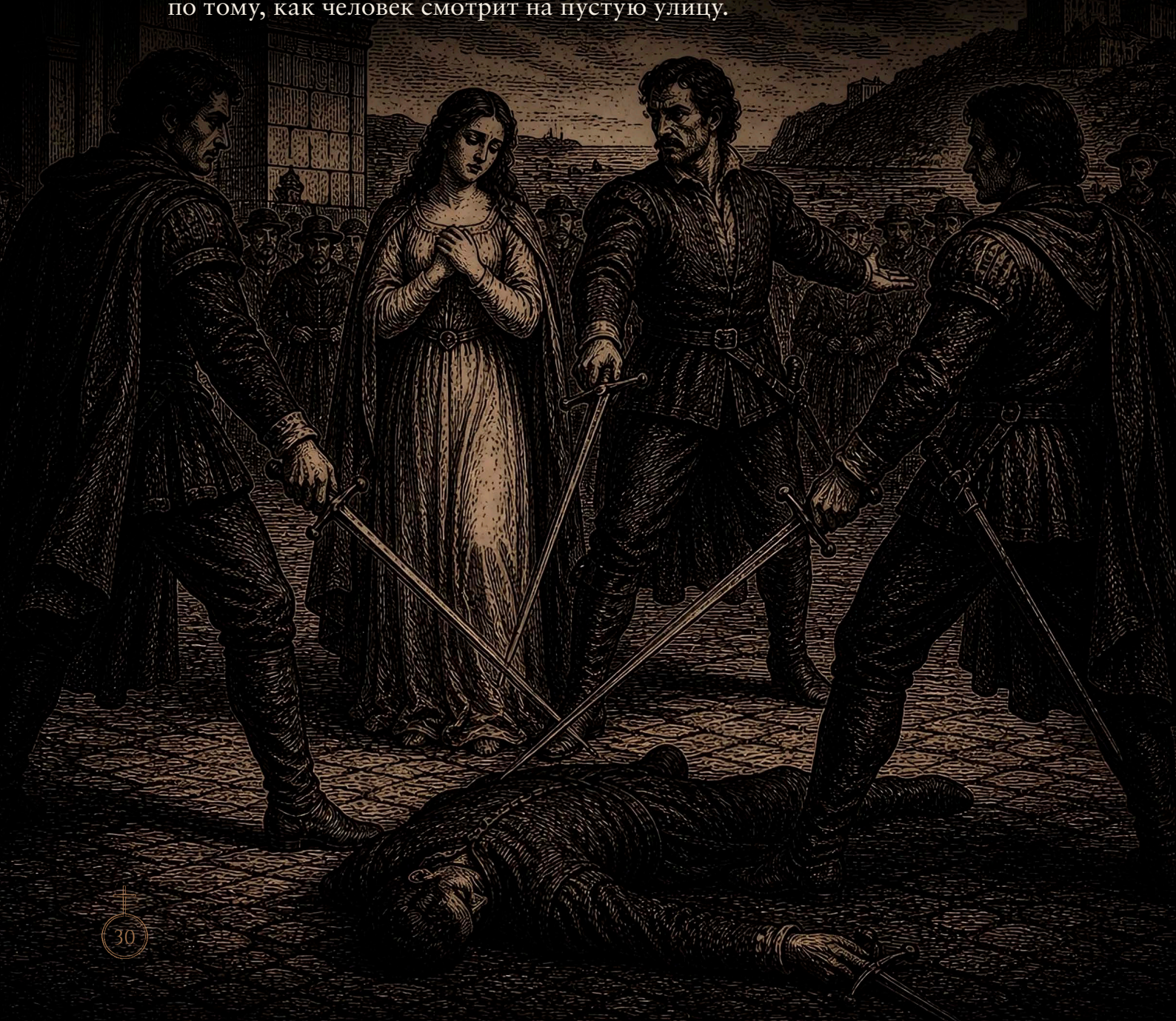
Если выполнил — переходи к четвёртой главе. Не раньше.

Три глаза.
Один объём.

ЛЕГЕНДА О СЕСТРЕ

Глава 4

Ты возвращаешься в ту же тратторию вечером. Старик у дальнего столика тебя помнит и зовёт сесть. Ты садишься. Он спрашивает — ты ведь по делам? — и не ждёт ответа. Он понимает, что ты исследователь; в Калабрии это видно по тому, как человек смотрит на пустую улицу.

Он наливает тебе вина и говорит: ну, тогда тебе надо знать историю. Без неё ты ничего не поймёшь.

— В шестнадцатом веке в Толедо жили три рыцаря. —

Старик произносит это так, будто речь идёт о его дядьях. Не «жили когда-то», а «жили». Имена он называет с длинной паузой между каждым: Оссо. Мастроссо. Карканьоссо. Он рассказывает, как у них была сестра — красивая девушка из хорошей семьи. Как один человек её опорочил. Как братья отомстили, убив обидчика на дуэли. Как им пришлось бежать из Испании. Как они скрывались двадцать девять лет на острове Фавиньяна возле Сицилии. И как, выйдя из укрытия, они разошлись — каждый в свою землю.

† Оссо ушёл в Сицилию.
† Мастроссо — в Калабрию.
† Карканьоссо — в Кампанию.
† От Оссо пошла Коза Ностра.
† От Мастроссо — Ндрангета.
† От Карканьоссо — Каморра.

Он рассказывает это плотно, без украшений, как пересказывают семейное. Когда заканчивает, наливает ещё. Говорит: вот так. И смотрит на тебя.

Эту легенду в Калабрии знают все. И почти каждый рассказывает её немного иначе.

† В одной версии трое — рыцари из Толедо.
† В другой — из Севильи.
† В третьей — не рыцари, а просто благородные люди.

Опороченная сестра — где-то невинная жертва, где-то невольная участница. Срок укрытия на Фавиньяне — двадцать девять лет, иногда тридцать три, иногда другой. Имена сохраняются почти всегда: Оссо, Мастроссо, Карканьоссо. Иногда пишутся слитно, иногда раздельно.

В книгах легенда передаётся в более литературной форме. У некоторых исследователей — у Никола Грателли, у профессора Никасо, в работах исторического общества Калабрии — она встречается в десяти-двенадцати вариантах, каждый из которых считает себя более точным. Сравнить эти версии — отдельная работа; никто ещё её не свёл.

Это и есть первое, что нужно про легенду понять. Она не имеет одной канонической формы. У каждого носителя она немного своя. Это не исторический факт. Это материал, из которого носители делают что-то свое каждый раз, когда рассказывают.

~ Историй много. Дата одна – XVII век. ~

Историческая проверка показывает, что документально легенда не подтверждена. Нет архивных следов трёх рыцарей с этими именами. Нет дуэли, по которой они якобы бежали. Нет списков лиц, скрывавшихся на Фавиньяне в указанный период — а Фавиньяна в шестнадцатом веке принадлежала испанской короне, и списки скрывавшихся там велись. Нет документов о приходе кого-либо из них в Калабрию. Нет в калабрийских архивах фамилии Мастроссо в подходящее время и в подходящем месте.

Это не значит, что легенда «неправда». Это значит, что она работает по другому закону, а не по закону документа. Возьми её устройство.

В центре сюжета — обиженная сестра. Это первое. Нашёлся бы реальный исторический акт, в котором три брата мстят за обиду сестры, — этот акт стал бы криминальным происшествием, а не основанием организации. Но в легенде он становится основанием, потому что выполняет несколько функций сразу.

- **Первая функция:** он делает основателей героями, а не преступниками. Они никого не предали. Они вступились за честь сестры — самый бесспорный мотив не в иберийской и южноитальянской культуре. Никто упрекнёт человека, отомстившего за оскорбление сестры. Это благородное убийство, и в кодексе чести оно считается восстановлением справедливости.
- **Вторая функция:** она делает жертву невидимой. В легенде есть жертва — обидчик сестры, которого братья убивают на дуэли. Этот человек безымян, безличен, иногда безвиден. О нём не сказано, кем он был, как его звали, что с его телом. Он — фон. Жертва как событие в легенде есть; жертва как лицо — отсутствует. Это важно.
- **Третья функция:** она делает основу нравственно чистой. Если организация ведёт начало от мщения за поруганную сестру, то её основной кодекс — кодекс чести. Не корысти, не насилия ради насилия, не власти ради власти. Чести. Этот кодекс действительно существует внутри организации, и легенда его обосновывает: вот откуда это пошло, вот почему мы такие, какие есть.

~ Герой. Невидимая жертва. Кодекс чести. ~

- **Четвёртая функция, самая тонкая:** легенда сдвигает дату основания. По легенде — шестнадцатый век. Реальное организационное оформление Ндрангеты — семнадцатый, и связано оно не с тремя рыцарями, а с одним конкретным человеком. Сдвиг на сто лет назад делает основание мифологическим, размывает следы, отводит внимание от документируемого периода. Если ты будешь искать рыцарей шестнадцатого века — ты ничего не найдёшь. И это значит, что ты не будешь искать в семнадцатом.

Это и есть устройство первой вуали.

~ Легенда отводит взгляд от семнадцатого века. ~

Так устроена не только эта легенда. Так устроены легенды основания у всех родовых структур.

У легенд основания есть закон: они не описывают реальный акт основания, а замещают его. Реальный акт всегда труден для повествования —

он содержит непрезентабельные элементы, конкретные тела, неудобные документы, тёмные места. Чтобы передать структуру через поколения, нужен другой материал — пригодный к повторению, благородный, нравственно опрятный. Легенда и есть этот материал.

Замещение работает по нескольким типовым сюжетам. Их немного, четыре или пять, и они повторяются у структур по всему миру.

- **Сюжет мести** — наш случай. Мы пришли защитить обиженного, и из этой защиты родилась организация. Так устроены не только легенды Ндрангеты и её родственников. Так устроены некоторые рыцарские ордена, некоторые горные общины, некоторые партизанские традиции.
- **Сюжет спасения** — мы пришли спасти от чужой угрозы; из этого спасения родилось наше общество. Так устроены легенды многих религиозных орденов, многих народов в момент образования, многих закрытых ремесленных гильдий.
- **Сюжет откровения** — нам было видение, мы получили знание свыше; из этого знания родилось то, чему мы служим. Так устроены большинство религиозных оснований и часть мистических орденов.
- **Сюжет случая** — нам выпало нечто непредвиденное, и из этого непредвиденного родилось наше дело. Так устроены легенды многих научных школ и художественных движений.

~ Месть. Спасение. Откровение. Случай. ~

В каждом сюжете действующая логика одна. Реальное основание — заместить рассказом, в котором основатели нравственно чисты, действие оправдано, жертва либо невидима, либо благодарна, либо отсутствует. Легенда не лжёт о фактах. Она перестраивает интерпретацию так, чтобы факты не было нужды искать.

Это не значит, что все легенды основания обязательно скрывают преступление. У многих структур реальное основание скучно, неэффектно, неудобно для рассказа — и поэтому замещается мифом просто для удобства передачи. Не всегда под легендой лежит кровь. Но всегда под ней лежит что-то другое, чем то, о чём она рассказывает.

Когда ты теперь услышишь историю основания — компании, фамилии, ордена, государства — ты будешь её слушать иначе.

Ты не будешь спорить с рассказчиком. Ты не будешь говорить ему, что это миф. Это бесполезно: миф работает не на уровне истинности, а на уровне функции. Ты будешь слушать спокойно и фиксировать у себя одно: вот сюжет. Месть, спасение, откровение, случай. Какой здесь.

Зафиксировав сюжет, ты задашь себе один вопрос. Не вслух. Про себя. Что это покрывает.

Ответ ты не будешь искать. Ответ — это работа на месяцы, а иногда на годы. Иногда ответа нет, потому что под легендой действительно ничего криминального — просто скучный исторический факт. Иногда ответ есть, и он стоит того, чтобы его искать. Главное на этом этапе — научиться задавать вопрос. Не как обвинение. Как наблюдение.

Это называется различающая оптика. Турист легенду слушает и принимает. Аналитик легенду проверяет на источниках. Ты — третий: ты легенду фиксируешь как функцию и под ней оставляешь свободное место для того, чего не знаешь.

~ Слушай легенду как сюжет. ~
~ Под ней оставь пустоту. ~
~ Пустота – место для ответа. ~

Старик в траттории заканчивает наливать тебе вино и спрашивает: ну, понял?

Ты отвечаешь — да. Не врёшь: ты понял ровно то, что нужно. Ты понял сюжет, и под ним оставил пустоту. Старик кивает. Ему этого достаточно.

Но легенда о трёх рыцарях — не единственная вуаль над фундаментом Ндрангеты. Над ней есть вторая, более позднего слоя, более тонкая, и эта вторая — сакральная. Она не литературная — она ритуальная. Она не рассказывается — она проживается. К ней приходят раз в год сто пятьдесят тысяч человек, и приходят не туристы, а те, кто принадлежит.

Эта вторая вуаль находится в горах над тем местом, где ты сидишь. Если ты выйдешь из траттории и посмотришь на восток, ты увидишь Аспромонте. На одной из его вершин — святилище. В святилище — статуя. Чёрная, в облачении, ростом выше человека. Восемьсот килограммов веса.

Об этой статуе — следующая глава.

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.

Сегодня ты услышишь — на работе, в новостях, от знакомого, в книге — какую-нибудь историю основания. У всех людей и всех структур она есть. История семьи, история бизнеса, история города, история фамильной квартиры, история подразделения в фирме. Любая.

Когда услышишь — поймай её. Не комментируй вслух. Не возражай. Только зафиксируй у себя: какой здесь сюжет. Месть, спасение, откровение или случай. Один из четырёх.

Это первая часть упражнения, и она должна быть мгновенной. Если ты «вычисляешь» сюжет логически — ты ещё не научился. Если ты его видишь раньше, чем формулируешь, — научился. На это уходит несколько секунд.

Вторая часть — пятнадцать минут. Сядь спокойно и задай себе один вопрос: что эта легенда покрывает. Не отвечай. Просто держи вопрос. Если ум начнёт сочинять ответ — отметь и отложи. Тебе сейчас не нужен ответ. Тебе нужно, чтобы вопрос остался открытым.

Признак правильности: после пятнадцати минут у тебя в голове остался вопрос, не ответ. Если у тебя сложилось «понятно, под этим то-то» — упражнение не выполнено. Под легендой пустота — это правильное состояние. Сочинённый ответ — это новая легенда.

Если выполнил — переходи к пятой главе. Не раньше.

~ Сюжет – наверху. ~
~ Под ним – пустота. ~
~ Пустоту не заполняй. ~

ЧЁРНАЯ КОРОЛЕВА

Глава 5

На следующее утро ты выезжаешь в горы. Ты подходишь ближе. Дверь открыта. Внутри полумрак, пахнет воском. В глубине, в нише, — статуя. Она чёрная. Чёрной она кажется не от тьмы. Тебе хватает нескольких шагов, чтобы убедиться, что это её цвет. Дерево, пропитанное столетиями свечного дыма и временем; лицо, руки, складки одежды — всё чёрное. На голове — корона.

На плечах — облачение, расшитое золотом. На коленях — Младенец, такой же чёрный, как Она.

Ты стоишь перед Ней. Восемь центнеров. Высотой выше тебя. Глаза смотрят не на тебя — мимо, в точку, которую видит только Она.

— Это и есть Чёрная Королева Аспромонте. —

Святилище называется Санта Мария ди Польси. Его относят к двенадцатому веку — по преданию, его основал нормандский граф Рожер II, увидевший Деву во сне на этом месте. Преданий о его основании несколько, и они тоже расходятся, как расходились версии о трёх рыцарях. Это уже знакомый тебе закон.

Что в Польси точно. Это самое почитаемое марианское святилище юга Калабрии. Раз в год, в начале сентября, к нему стекается до ста пятидесяти тысяч человек — со всей Калабрии, из Сицилии, из Кампании, из Северной Италии, из канадской и австралийской калабрийской диаспоры. Это и есть праздник Мадонны ди Польси.

Раз в пятьдесят лет статую снимают со своего места и устраивают триумфальную процессию. Восемь центнеров несут на носилках сильные мужчины из специально выбранных семей. Право нести Деву — наследственное; у него своя иерархия, свои очереди, свои конфликты, свои отказы. Получить место под носилками — событие на всю жизнь. Передать его сыну — значит передать что-то большее, чем место.

Польси — точка сбора. В сентябре сюда поднимаются на тропу те, кто внизу друг с другом не встречается. Капо Бастоне из соседних посёлков, между которыми идёт тихая война; родственники из ндрин, не разговаривающих между собой; люди из канадских и итальянских ветвей одной фамилии; перебежчики и те, от кого они когда-то перебежали. На день Польси граница опускается. Дева видит всех, и перед Ней все равны.

— Внизу не разговаривают. Здесь — стоят рядом. —

Это первое, что нужно про Польси понять. Это не «святилище мафии», как иногда пишут в газетах. Это сакральная инстанция, перед которой собирается одна часть калабрийского общества целиком. Сама ндрина приходит сюда не как ндрина — как калабрийцы. На время Польси они возвращаются в общую человеческую породу. Туда, откуда они сами вышли тысячу лет назад.

Если ты применишь к Польси оптику трёх слоёв, на которой ты учился в третьей главе, у тебя получится следующее.

- **Поверхность.** Польси — христианское марианское святилище. Дева Мария с Младенцем. Праздник в сентябре. Освящён католической церковью, входит в число главных мест паломничества южной Италии.
- **Аппарат.** Польси — место сборки калабрийского общества. Точка, в которой собираются те, кто внизу разделён. Площадка переговоров между ндринами, не имеющая аналогов. Никаких других ровных мест в горном обществе для этого нет: не в государственном суде, не в муниципальной мэрии, не на улице посёлка. Только перед Девой. У этой функции долгая история; ей сотни лет, и она работает помимо официальной церкви.
- **Фундамент.** Польси — место, на котором стояло что-то более раннее, чем христианство, и это что-то — женское и чёрное.

~ Под Польси лежит другая Дева. ~

Этот вывод не богословский, а археологический и историко- антропологический. На юге Калабрии, как и на юге Сицилии, до прихода христианства были культы Великой Матери — Реи, Деметры, Кибелы, Гекаты. Многие древнейшие святилища Калабрии стоят на местах их культов. Когда христианство приходило в эти земли — в семьсот-восьмисотых годах, в норманнское время, — оно не стирало старые культы, оно их перекладывало. На месте святилища Реи — церковь Богоматери. На месте Деметры — другая Богоматерь. На месте Гекаты — третья. Это известный механизм; его описано в десятках работ по истории религий Средиземноморья.

Чернота Польси — не случайность. Чёрные Мадонны разбросаны по югу Европы островами: в Андалусии, Сицилии, Неаполе, Польши, Польши, Швейцарии, Франции, Чехии. Их объединяет одно: они стоят на местах, где раньше были культы хтонических женских божеств. Земля, плодородие, смерть, подземный мир. Под чёрной Мадонной лежит чёрная Богиня — старше, тише, опаснее.

Это не значит, что верующие в Польси молятся языческой Богине. Они молятся Деве Марии. Но Дева Мария встала здесь именно потому, что место уже было намоленным. Сам выбор этого места — не церковный. Народный. Народ запомнил, где сидит сила, и перенёс туда новую форму. Форма поменялась — место осталось.

Теперь к нашему делу. В одной из своих работ профессор Антонио Никасо, один из самых внимательных исследователей Ндрангеты, замечает короткой строкой: «Ндрангеты почитают Святую Мадонну ди Польси, но это уже более позднее явление». Это замечание проходное, но точное.

Ндрангета не родилась вокруг Польси. Польси наложилась на Ндрангету — позже. Когда именно — точно неизвестно; не раньше восемнадцатого века, может быть, девятнадцатого. До этого организация не была так плотно связана с этим конкретным святилищем. У неё были свои покровители, свои места, свои привязки — некоторые из них помнят: Святой Михаил, святой Косма и Дамиан, Мадонна ди Полси, святой Иосиф. С определённого момента Польси выходит на первый план и затмевает остальных.

Это и есть вторая вуаль.

~ Польси встала между тобой и фундаментом. ~

Принцип тот же, что и у легенды о трёх рыцарях, но работает он сильнее. Легенда — материал литературный; её можно проверить, можно сравнить версии, можно вычислить функцию. С сакральным сложнее. К Деве не подходят с проверкой — к Деве подходят с молитвой. Любая попытка «проверить» Польси воспринимается как святотатство, и притом — справедливо: для верующих Она действительно Дева, и заходить с другой стороны — оскорбительно.

Это очень хорошо устроенная защита. Она работает не на запрете, а на собственном уважении исследователя к чужой святыне. Тебя никто не остановит. Ты сам остановишься.

Чтобы пройти сквозь Польси, не оскорбляя Её, нужно одно различение. Оно тонкое.

Ты не идёшь против Девы. Ты идёшь к тому, что лежит под Ней — и что лежало здесь раньше, чем Она. Это не атака на сакральное, это исторический проход. Дева на этом месте — последний слой. Под Ней — слой более ранней Богини. Под слоем Богини — что-то ещё более раннее.

В обычной церковной истории «более раннее» было бы языческим культом, и проход заканчивался бы там. Здесь — не заканчивается. Дело в том, что Польси связана с Ндрангетой не через свою христианскую функцию (молитва, праздник, паломничество) и не через свою хтоническую глубину (древняя Богиня), а через специфическую вещь: организация Ндрангета, оформленная в семнадцатом веке, в какой-то момент выбрала это конкретное святилище своим главным.

Этот выбор — не случайный. Когда организация выбирает себе сакральный центр, она выбирает его по законам собственного устройства. Что-то в Польси совпало с чем-то в Ндрангете. Не Дева, не Богоматерь, не Богиня — что-то третье. Чёрная фигура. Женская. Восемь центнеров. На горе. С Младенцем.

— Что-то в этом образе совпадает с тем, что положено в фундамент. —

Вот это и есть точка прохода. Не разоблачать сакральное. Не отрицать. А заметить, что Польси встала сюда не случайно, и что её выбрали не случайно. У Ндрангеты в основании есть нечто, чему Польси резонирует. Она не равна тому, что там лежит. Она — её резонанс. Эхо.

Когда ты так настроишь слух, ты сможешь подойти к Польси и не нарушить ничего. Ты не богохульствуешь. Ты слушаешь эхо. И через это эхо ты слышишь то, что отзывается ему снизу.

Ты выходишь из храма. Снаружи светло, после полумрака больно глазам. Ты садишься на камень и сидишь несколько минут.

Польси сделала с тобой одну вещь. Если ты прошёл через эту главу правильно — она не умалилась в твоих глазах. Дева осталась Девой. Святилище — святилищем. Сто пятьдесят тысяч человек, поднимающихся сюда в сентябре, — людьми, которые поднимаются ради своей веры, и эта вера настоящая.

И при этом ты теперь видишь над фундаментом две вуали, не одну. Под легендой — Польси. Под Польси — нечто более раннее. Под этим более ранним — то, ради чего и легенда, и Польси сюда положены.

В это «то, ради чего» лежит конкретный акт конкретного человека. Этот человек не вымышлен. У него есть имя и фамилия. У него есть должность. У него есть место в реестрах военно-духовного ордена, в котором он состоял. О нём пишут в нескольких исторических книгах — мало, но пишут. О нём специально написано в одной из монографий Олега Викторовича Мальцева, опубликованной отдельно от других, и эта монография названа в честь него.

Об этом человеке — следующая глава. Он подождал тебя за двумя вуалями четыреста пятьдесят лет.

~ Имя у него есть. ~
~ Ты узнаешь его завтра. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.

Найди в своём окружении одну святыню. Это слово не обязательно религиозное. Святыня — это всё, перед чем у тебя или у твоей структуры останавливается анализ. У человека это может быть память близкого, образ родителя, профессиональный авторитет, неприкосновенный принцип. У организации — миссия, основатель, флаг, главный продукт. У страны — конституция, монумент, столица, война. У всех есть.

Выбери одну такую святыню — рядом с тобой, не дальнюю. Что-то, что для тебя сейчас работает как «дальше я не пойду».

Сядь спокойно. И задай себе один вопрос.

~ Что эта святыня прикрывает? ~

Не отвечай. Это самое важное условие упражнения. Ты задаёшь вопрос и держишь его открытым. Если ум начнёт сочинять ответ — отметь

и отложи. Любой быстрый ответ будет неточным. Серьёзный ответ — это работа на годы; иногда ответа нет вовсе, и это тоже результат.

Тебе сейчас не нужен ответ. Тебе нужно одно: научиться задавать этот вопрос, не разрушая святыню. Это и есть навык, которому учит Польси. Ты подходишь к чему-то сакральному — и не разоблачаешь его, и при этом видишь, что под ним что-то лежит.

Пятнадцать минут. Один вопрос. Никакого ответа.

Признак правильности — после упражнения у тебя нет вывода. Только спокойное знание, что под этой святыней что-то есть. Если у тебя сложился вывод — упражнение не выполнено. Святыня в этом случае не пострадала; пострадал твой слух. Повтори завтра.

Если выполнил — переходи к шестой главе. Не раньше.

~ Святыня – наверху. ~
~ Под ней – резонанс. ~
~ Слушай не разоблачая. ~

КОМАНДОР

Глава 6

Ты вернулся с Польси к вечеру и сразу пошёл в библиотеку. Не в туристическую — в исследовательскую. У тебя с собой две монографии: «Обманчивая тишина» и «Мой Бог Франческо Виллардита». Вторая — отдельная, написана позже первой, посвящена одному человеку. Имя этого человека стоит на обложке.

~ Франческо Виллардита ~

Так его звали. Он был испанским грандом, дворянином, рыцарем военно-духовного ордена и — самое важное в этой главе — командором Ордена Иисуса Христа в Калабрии. Это не миф. Не легенда. Не образ. Реальное лицо семнадцатого века, у которого есть биография, должность, родственники, ученики и архивные следы.

За двумя вуалями, через которые ты прошёл — легендой о трёх рыцарях и Чёрной Королевой Аспромонте — стоял живой человек. Он жил, командовал, учил, фехтовал, строил, умер. От него остался секрет, который он не передал даже собственному сыну. И от него осталось то, что ты сейчас называешь Ндрангетой.

~ Имя у него есть. ~
~ Сегодня ты его узнаёшь. ~

Начнём с того, что про Виллардиту известно прямо.
Он принадлежал к фамилии испанско-сицилийского происхождения, имевшей дворянский статус и владения в Багерии под Палермо и в Калабрии. Старший из двух известных нам Виллардит — Франческо. Младший — Джузеппе, его сын; о Джузеппе известно больше, потому что он был публичной фигурой — Гранд-мастер фехтования, держал виллу в Багерии, состоял в кругах сицилийской знати. Об отце известно меньше. Это первая особенность Франческо Виллардиты, и её нужно сразу зафиксировать: он не был публичной фигурой. Он был фигурой действующей, и эти две вещи в семнадцатом веке часто разделялись намеренно.

Должность Виллардиты — командор Ордена Иисуса Христа в Калабрии. Это конкретная позиция в военно-духовном ордене с уставом, иерархией и юрисдикцией. У Ордена была вертикаль: глава ордена и его командоры на отдельных территориях. Главой Ордена в этот период был Иеронимо Санчес де Карранза — испанский гранд, теоретик и автор основополагающего трактата по фехтованию по системе Дестрезы. Виллардита подчинялся Карранзе. В источниках Виллардита называет Карранзу «мой командор», себя — командором в Калабрии, и эта вертикаль зафиксирована.

Карранза приезжал в Калабрию. Цель визита в источниках прямо не названа; разумная гипотеза — инспекция, проверка деятельности местного командора, контроль выполнения орденских поручений. Это деталь второстепенная, но важная: между Виллардитой и центром Ордена существовала живая связь.

~ Карранза наверху. Виллардита в Калабрии. ~

Это первое, что ты должен унести из этой волны: за всем, что мы будем разбирать дальше, стоит конкретный институциональный факт. Виллардита не был «мафиози», ставшим легендой. Он был офицером духовного ордена с международными связями и юрисдикцией над частью территории. Его действия в Калабрии были его служебной деятельностью, не самодеятельностью.

Теперь про Орден.
Орден Иисуса Христа — португальско-испанский военно-духовный орден, не имеющий ничего общего с иезуитами. Иезуиты — это Общество Иисуса, монашеское объединение шестнадцатого века, основанное Игнатием Лойолой. Орден Иисуса Христа — другое: это рыцарский орден,

оформленный в начале четырнадцатого века, после разгрома Ордена тамплиеров. Когда папа в тысяча триста двенадцатом году распустил тамплиеров, их структуры в Португалии и в Кастилии не были уничтожены. Король Португалии оформил их под новым именем — Орден Иисуса Христа. Имущество, замки, флот, значительная часть людей и устав перешли в новый Орден без потерь.

† **Это первый ключ.** Орден Иисуса Христа — наследник тамплиеров. Не идейно, а структурно. Он унаследовал тамплиерскую дисциплину, тамплиерские обеты, тамплиерскую военную выучку, тамплиерские финансовые навыки. У тамплиеров было около ста шестидесяти запретов в уставе; Орден Иисуса Христа принял их все. Это самый ограниченный из рыцарских орденов, в котором быть рыцарем значит ежедневно жить под уставом, не уступающим монашескому.

† **Второй ключ.** Орден располагал ресурсами, которых не было у государств того времени, и связями, которых не было у церкви. Он действовал в Португалии, в Испании, в Италии, в Северной Африке, в Новом свете, в Восточной Европе. У него были корабли, замки, банки, мастерские, школы. У него были прямые связи с португальской, испанской, неаполитанской и французской коронами и с Ватиканом. Орден был выше государства, но не выше папы; и при этом он мог действовать поверх границ так, как государству и не снилось.

† **Третий ключ.** У Ордена Иисуса Христа была философия, отличная от обыденного христианства. Орден строился не на простом поклонении Христу, а на самопожертвовании рыцарей по образцу Христа. Христос здесь — не объект молитвы, а пример. Образец устремления — Архангел Михаил, воин-небожитель. Эта философская конструкция — Христос как пример самопожертвования внизу, Михаил как пример устремления наверху — определяла внутреннюю жизнь Ордена и впоследствии оставила в Ндрангете очень узнаваемый след: Архангел Михаил почитается практически в каждом калабрийском посёлке, его храмы стоят на каждом значимом месте.

~ Тамплиеры внизу. Михаил наверху. Командор посередине. ~

Когда ты теперь смотришь на Виллардиту, ты видишь не одинокого предприимчивого дворянина, у которого получилось организовать какую-то местную банду. Ты видишь офицера структуры с тремя сотнями лет институциональной памяти, унаследовавшей дисциплину и ресурсы крупнейшего военно-духовного ордена средневековой Европы. Это совершенно другой масштаб задачи и совершенно другой материал, из которого собирается Ндрангета.

Виллардита не был один.
Над ним был Карранза. Это не должность «начальника» в современном смысле; это вертикаль одной структуры, в которой Виллардита получает задачу и несёт ответственность за её выполнение на своей территории. Если Карранза приезжает в Калабрию для инспекции — Виллардита отчитывается. Если Карранза получает указание из Лиссабона или из Ватикана — оно через него доходит до Виллардиты.

Параллельно с Виллардитой в других регионах юга Италии стояли другие командоры. В Палермо в это же время и позже работала аналогичная вертикаль через другой орден — Орден Сантьяго (он же Орден Святого Джакомо). Один из его командоров, Джакомо Лакуова, формально занимал должность командора Сантьяго в Палермо, фактически —

был хозяином значительной части юга Италии. О нём ходили легенды как о гениальном психологе, выдающемся рыцаре и человеке, способном так изменить убеждения собеседника, что обратной перемены не происходило. Лакуова воспитал палермскую школу фехтования; через эту школу прошли Антонио Матея и многие другие известные мастера.

Это важная параллель. Юг Италии в семнадцатом- восемнадцатом веках был покрыт сетью военно-духовных орденов, чьи командоры на местах являлись фактическими хозяевами территорий. Государство, церковь и публичная власть были одно; другое — сеть командоров. У каждого региона свой, у каждого свои школы, свои ученики, своя школа фехтования, свой фасад.

~ Командоры были хозяевами Юга. ~

Виллардита — один из них. Калабрийский. Это специфическое командорство имело свою задачу, и эта задача сложилась так, что Виллардита получил больше структурной свободы, чем его коллеги в Сицилии или Кампании. Калабрия — горный, замкнутый, исторически непокорный регион; для него традиционные способы управления плохо работали. Виллардита получил задачу выстроить здесь нечто такое, что будет работать без постоянного присутствия Ордена. Что он построил — об этом следующая глава.

У Виллардиты была вторая вертикаль — параллельная орденской. Школа фехтования.

Юг Италии в семнадцатом веке имел собственную фехтовальную традицию, происходящую из неаполитанской школы. Эта традиция оформилась в две ветви — правую и левую. Правая ветвь — сицилийская, защищающая, контратакующая; её виднейшим именем был Антонио Матея, ученик палермских мастеров. Левая ветвь — калабрийская, атакующая, закрытая; её крупнейшим представителем был Виллардита. Гранд-мастер левой ветви.

Различие между ветвями — не вопрос техник, хотя техники тоже разные. Различие принципиальное. Правая ветвь готовит фехтовальщика, способного отбить нападение и нанести точный ответный удар. Левая ветвь готовит фехтовальщика, у которого нападение — основной режим. Это разные люди, разные школы, разный набор учеников, разный отбор.

В практическом смысле левая ветвь учит атакующей системе, организованной как протокол: сколько-то базовых элементов, цепочки переходов между ними, способ доводить элементы до автоматизма. У этой системы есть рабочее имя, которое мы пока не будем раскрывать в этой главе — оно появится в седьмой, когда мы будем говорить о механизме сборки. Сейчас ты должен зафиксировать одно: Виллардита был не любителем оружия. Он был мастером структурно описанной атакующей системы и держал её как школу — со школьной иерархией, со школьными испытаниями, с кодексом учителя и ученика.

~ Орден сверху. Школа сбоку. Калабрия под ногами. ~

Когда у тебя есть две институциональные вертикали — орденская и школьная — и ты получаешь территорию, которую нужно перестроить, у тебя в руках комплект инструментов, которого не было у обычного дворянина или военачальника. Виллардита держал в руках комплект, и комплект был исключительной мощности.

В монографии «Мой Бог Франческо Виллардита» есть короткая фраза, которая стоит отдельной волны. Никто и никогда не знал, в чём секрет Франческо Виллардиты.

Это написано про его сына — Джузеппе, который был Гранд-мастером фехтования, опорой калабрийской организации, наследником части отцовских структур, и при этом не знал главного. Сын видел, как отец фехтует. Видел, как с одного движения отец переводит чужой клинок в землю и ударом ноги ломает его. Видел, как отец говорит, как принимает решения, как выходит из ситуаций, которые никто другой не мог разрешить. И при этом — не знал секрета. Отец его не передал.

Сын повторил многое — и стал великим мастером. Но повтор техники не есть передача секрета. Секрет — это то, из-за чего техника работает у одного и не работает у другого, у кого она внешне такая же. Виллардита-старший унёс свой секрет с собой; никто из тех, кого он учил, его в полноте не получил.

~ Сын знал технику. Сын не знал секрета. ~

Это и есть третья особенность фигуры Виллардиты, которую тебе нужно зафиксировать сейчас. Он умел не передавать. Это специальный навык, и он встречается у редких людей. Большинство учителей не могут не передать ученикам всё, что знают; их распирает изнутри, передача знания — для них форма дыхания. У Виллардиты было обратное: он мог удержать. То, что не передавалось вниз по школе, оставалось у него и продолжало работать в его собственной деятельности.

Что именно осталось при нём — мы не знаем. Гипотезы есть; в этой книге мы коснёмся одной из них в главах восьмой и девятой. Сейчас тебе достаточно унести одно: за фигурой Виллардиты есть точка, до которой не дошёл никто, включая его сына. Эта точка не разобрана историками, не описана в современных исследованиях; она удержана самим Виллардитой.

Это значит, что когда ты будешь дальше читать о Ндрангете и о её механизмах, ты должен помнить: где-то внутри этих механизмов сидит секрет, который никто не сформулировал. Описаны три уровня. Описана школа. Описаны клятвы. Описаны протоколы. Не описано — то, что делает эту конструкцию неубиваемой. Это и есть то, что Виллардита унёс.

Ты закрываешь монографию.
За окном уже темно. Свечи на склоне вверху горят, как и в первый вечер. Но теперь, когда ты на них смотришь, ты видишь иначе. У этих свечей есть Хозяин — это ты понимал ещё в первой главе. Сейчас ты узнал имя одного из носителей этой роли. Виллардита.

Имя ещё не равно пониманию. То, что у Хозяина есть имя, не объясняет, как работает его хозяйство. Орденская вертикаль, школьная вертикаль, унесённый секрет — это материал, но из материала ещё нужно собрать конструкцию. Виллардита эту конструкцию собрал. Что именно он собрал и как — об этом следующая глава.

Сейчас тебе нужно сделать одно. Тебе нужно зафиксировать встречу. Ты прошёл сквозь две вуали и встретил конкретного человека.

Это серьёзно. Большинство исследователей, доходящих до Виллардиты, останавливаются здесь и пишут «отец-основатель Ндрангеты, легендарная фигура, реальные следы скудны». Это правильное наблюдение и неверный вывод. Следы скудны не потому, что фигура легендарная. Следы скудны потому, что Виллардита умел не передавать. Это разные причины, и из разных причин следуют разные действия.

~ Имя ты узнал. ~
~ Конструкцию увидишь завтра. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.
Найди один устойчивый институт вокруг тебя. Не государственный — конкретный. Школа, в которой ты учился. Компания, в которой ты работаешь. Орден, к которому ты формально или неформально принадлежишь. Профессиональное сообщество. Семейная фамилия. Любой, у которого есть имя и хотя бы пятьдесят лет истории.

За фасадом этого института есть реальное историческое лицо. Не первое имя в публичном списке основателей. Реальное — то, кто на самом деле собрал то, что сейчас работает. Иногда это совпадает с публичным; чаще — нет. Публичный — тот, кому отдали место на доске. Реальный — тот, чьим методом всё держится.

За пятнадцать минут найди три факта об этом человеке.

Имя. Должность. Дата.

Не больше. Имя в полной форме. Должность не современная, а та, что была у него в момент сборки. Дата — год, в который произошло то, что с этого момента работает. Запиши на одну строку: «Имя — должность — год».

Признак правильности — у тебя на руках три факта, не четыре и не два. Если ты не нашёл — оставь незаполненным, лучше пусто, чем выдуманно. Если нашёл больше — отсеки до трёх. Имя, должность, год.

Это твоё первое прикосновение к различающей оптике на конкретном материале. До сих пор ты учился слышать тишину, видеть слои, распознавать сюжет, не разоблачать святыню. Сейчас ты впервые вытаскиваешь конкретное лицо из-за фасада.

Если выполнил — переходи к седьмой главе. Не раньше.

~ Имя. Должность. Год. ~

СБОРКА

Глава 7

Утро. Кофе остывает. На столе лежит чистый лист и ручка. Ты пытаешься нарисовать схему. Имя у тебя есть. Командор Виллардита, Орден Иисуса Христа в Калабрии, школа фехтования по левой ветви, секрет, унесённый с собой. Этого пока на схему не ложится.

Ты пробуешь обычный путь — нарисовать иерархию, как рисуют структуру преступной организации. Сверху — главарь, под ним — заместители, под ними — ниже, и так до рядовых. У тебя получается прямоугольник с прямоугольничками внутри. Ты смотришь на этот прямоугольник и понимаешь, что нарисовал не то.

Не «не точно». А не то. Это схема банды. То, что собрал Виллардита, — не банда. Банды живут двадцать-тридцать лет. Это конструкция, живущая четыреста пятьдесят. Это другой инженерный класс.

— Это не банда. Это инженерия. —

Разница между бандой и тем, что собрал Виллардита, лежит в одном месте. В банде люди объединяются вокруг лидера ради добычи. Лидер уходит — банда распадается, потому что вместе их держала конкретная фигура и конкретный интерес.

Виллардита построил другое. Не объединение людей вокруг лидера, а институцию, через которую люди проходят. Не «команда», а «университет». В команде ты член. В университете ты студент, потом аспирант, потом преподаватель — и в каждом из этих состояний есть свои испытания, своя дисциплина, свой потолок. Институция переживает любого конкретного носителя.

Это и есть инженерное решение Виллардиты. Большинство преступных сообществ строится как объединение по интересу. Виллардита перевёл преступное сообщество в режим орденской дисциплины и школьного обучения. Получилось не «преступная группа», а «учебное заведение с особой программой и особой клиентурой». Учебное заведение нельзя «обезглавить», как банду; убери ректора — кафедры продолжат читать лекции, испытания продолжат проводиться, иерархия восстановится через месяц.

~ Банда – объединение. Институция – поток. ~

Это первое, что ты должен унести из этой главы. Когда государство преследует Ндрангету, оно действует против неё как против банды — и каждый раз получает результат, не похожий на ожидаемый. Арестовали Капо Бастоне — через какое-то время появляется новый Капо Бастоне, и аппарат продолжает работать. Это не потому, что у Ндрангеты бесконечный резерв людей. Это потому, что у неё работает институция. Институцию арестовать нельзя.

У этой институции три уровня. Это не «иерархия» в обычном смысле — не три ранга одной структуры. Это три разных ордена, сшитых в одну вертикаль.

Верхний уровень — Орден Иисуса Христа. Тот самый, командором которого в Калабрии был Виллардита. Это узкий круг. Сюда стремятся; сюда попадают немногие. Те, кто здесь, — наверху горы и в прямом, и в переносном смысле: «ндрангета» этимологически прочитывается как «сошедшие с гор», и верхний уровень организации действительно состоит из людей, живущих высоко в горах Аспромонте, в стороне от равнинного мира. Они сами себя в обиходном смысле «ндрангетистами» не называют. Они принадлежат ордену.

Средний уровень — Францисканский Орден. С важной особенностью: с гражданским корпусом. Францисканство, в отличие от других монашеских орденов, имеет в своём уставе разрешение на гражданский постриг — человек может быть монахом ордена, не нося монашеской одежды и не объявляя своего членства. Он живёт обычной жизнью, имеет профессию, семью, гражданский статус, — и при этом он францисканец по уставу. Это даёт огромное проникновение.

Виллардита эту особенность францисканства использовал как инженер использует готовый инструмент. Средний уровень Ндрангеты состоит из тайных францисканцев в гражданской одежде. Это адвокаты, директора компаний, банкиры, врачи, чиновники,

преподаватели университетов. Каждый из них — обычный гражданин внешне; внутренне он принадлежит францисканскому ордену и через эту принадлежность связан с Ндрангетой. Сама Ндрангета через них присутствует во всех гражданских структурах, не показываясь.

Нижний уровень — самый широкий. Это те, кого Виллардита взял с местной территории. На юге Калабрии в семнадцатом веке жили пираты, разбойники, контрабандисты, бывшие солдаты разных армий, осевшие в горах беглецы, бедные крестьяне без земли. Виллардита эту массу не разогнал и не уничтожил. Он её упорядочил — взял неподатное население и сделал из него уважаемых людей и дворян. Дал статусы, дал земли, дал кодекс. Их потомки сегодня — те самые ндрины, которые внизу, в посёлках, выполняют видимую работу организации.

~ Орден сверху. Францисканцы посередине. Бывшие пираты снизу. ~

Гениальность сборки — в том, что три этажа имеют разную природу и при этом сшиты в одну структуру. Верхний — закрытый аристократический орден с международными связями. Средний — массовый монашеский орден с правом тайного членства. Нижний — местное население, переведённое из криминального состояния в дворянское. У каждого этажа свой устав, свой потолок, своя точка входа. Перейти этаж в этаж нельзя без испытания. Это и есть второе инженерное решение Виллардиты: трёхэтажная конструкция вместо плоской иерархии.

Внутри институции работает университет. У него четыре факультета. Каждый член организации проходит через них, и на каком факультете он остановился — тот и определяет его потолок.

- **Первый факультет — фехтование.** Это не «спортивная подготовка». Это дисциплина тела, поставленная как школа: с учителем, с программой, с уровнями, с испытаниями. Через фехтование человек получает собранность, скорость реакции, умение действовать в стрессе и привычку держать структуру действия даже когда страшно. Бритва — оружие первого уровня в Калабрии, как стилет в Палермо; шпага — второго; набор приёмов конкретной школы — третьего. Кто не прошёл фехтование, дальше не идёт.
- **Второй факультет — францисканство.** Это не «религиозное образование» в семинарском смысле. Это умение работать с массами через религиозную форму. Член организации, прошедший францисканский факультет, понимает, как устроена церковная иерархия, как функционирует приход, как работает праздник, как держится паломничество, как формируется почитание святыни. Польси, через которую ты прошёл в пятой главе, — это инструмент францисканского факультета. Не «святилище мафии», а площадка, через которую идёт массовая работа второго уровня.
- **Третий факультет — женщины.** Это не «работа с женщинами» в повседневном смысле. Это управление родовой структурой, потому что ндрина устроена как кровная семья, а кровная семья держится через женщин. Преемственность, репутация, связи между ндринами, возможность брака как договора между семьями — всё проходит через женщин. Член организации, прошедший этот факультет, понимает, как женщина держит ндрину изнутри, как через неё передаётся имя, как через неё закрепляется или рвётся союз. Без этого факультета человек не может быть Капо Бастоне: он не сможет управлять собственной семьёй, а значит, не сможет управлять и ндриной.
- **Четвёртый факультет — чиновная коммуникация.** Это умение работать с государственными и церковными институциями как

с инструментами. Не как с противниками, не как с союзниками — как с инструментами. Через этот факультет проходят те, кто будет иметь дело с прокурорами, мэрами, епископами, банкирами, нотариусами, журналистами. Они учатся говорить с этими людьми так, чтобы получать нужный результат, не показывая своей принадлежности. Это и есть тот самый средний уровень в действии — францисканский монах в гражданской одежде, который пришёл к чиновнику и решил вопрос.

~ Тело. Религия. Род. Чиновник. ~

Не каждый проходит все четыре. На каком факультете человек сломался — тот и его потолок. Кто прошёл только фехтование, остаётся бойцом. Кто прошёл фехтование и францисканство — становится

организатором праздников и массовых форм. Кто прошёл фехтование, францисканство и работу с родом — становится Капо Бастоне. Кто прошёл все четыре — выходит на верхний уровень, в Орден Иисуса Христа. Таких мало. И это нормально: верхний уровень не нуждается в массовости, он нуждается в качестве.

В основании всех четырёх факультетов лежат четыре технологии. Они известны в исследовательском обиходе под номерами.

- **Технология «54» — атакующая.** Это система Виллардиты, левая ветвь неаполитанской школы. Её принцип: действовать первым, действовать упреждающе, не дожидаться нападения противника, чтобы реагировать. У этой технологии пятьдесят четыре базовых элемента, отсюда и номер. Цепочки переходов между элементами, доведённые до автоматизма, дают мастеру способность атаковать в любой ситуации с любой позиции. На уровне фехтования это бой; на уровне всей организации это структурный принцип. Виллардита положил «54» в основание Ндрангеты, и это определило её характер: упреждающее действие, а не ответ.
- **Технология «52» — обманная и контратакующая.** Это более ранняя система, использовавшаяся в Калабрии до Виллардиты, и в палермской Мафии после. Её принцип: создать у противника ложную картину, и когда он нападёт на эту картину, нанести удар в реальную точку. Пятьдесят два элемента, более тонкая, более психологическая. В Палермо Мафия построилась на «52»; в Калабрии Виллардита её отверг как недостаточно решительную.
- **Технология «56» — контратакующая, тяжёлая.** Основа Каморры. Принцип: позволить противнику нанести первый удар, выдержать его, и в момент его отхода ударить в полную силу. Пятьдесят шесть элементов, требующая большой массы и выносливости. В Кампании на «56» построили Каморру — она и характером, и численностью соответствует своей технологии.
- **Технология «40» — мета-технология расшифровки.** Её принцип: разбирать любую ситуацию через понимание того, по какой из трёх предыдущих технологий действует противник. Сорок элементов аналитической проработки. Это то, что обычно называют «школой» в высоком смысле: способность видеть бой раньше, чем он начался, и понимать, к какой школе принадлежит то, что ты видишь.

~ Атака. Обман. Удар отдачи. Расшифровка. ~

Все четыре технологии в Ндрангете преподаются. «54» — основная, потому что школа Виллардиты. «52», «56» и «40» — как знание, без которого невозможно работать против палермской Мафии, кампанской Каморры и любых внешних противников. Прошедший все четыре фехтовальщик — это тот, кто видит, по какой школе действует против него любой человек, и может либо ответить в той же школе, либо перевести бой в свою. Это и есть финальный уровень Ндрангеты на технологическом этаже.

Структурная единица всей конструкции — ндрина. Слово, обозначающее одновременно семью и клетку организации. Ты уже встречался с ним в первой главе; теперь оно становится в полный рост.

Ндрина — это кровная семья в специальном смысле. В неё входят по двум каналам: рождение и брак. Ребёнок, родившийся в ндрине, уже в ней; он не вступает позже специальным актом, он принадлежит с рождения. Жена или муж входит через брак, ритуально подтверждённый. Все остальные пути — отказаны. Никакого «вступления со стороны» в ндрину нет.

Это и есть третье инженерное решение Виллардиты. Большинство закрытых сообществ строится через церемонию посвящения, через испытания, через введение чужого. Это уязвимое место: чужой может оказаться шпионом, перебежчиком, провокатором. Виллардита уязвимость закрыл — он сделал кровную семью единственным каналом входа. Шпион не может родиться в ндрине; внедрить шпиона невозможно. Это и есть исходная защита всей конструкции.

Во главе ндрины — Капо Бастоне, «глава палки». Это не должность, на которую назначают. Это позиция, на которой остаются. Капо Бастоне — тот, кто прошёл все четыре факультета и не сломался ни на одном. У него под рукой все функции ндрины:

- бойцы (нижний уровень),
- организаторы (францисканский),
- хранительницы рода (женщины),
- переговорщики с внешним миром (чиновный канал).

Он — точка решения; в посёлке, где есть ндрина, важные решения проходят через него, а не через формальные органы.

~ В ндрину рождаются. Из ндрины не выходят. ~

Выход из ндрины — только через смерть. Это не угроза, это устройство. Кровную клятву, которую человек даёт при инициации, нельзя расторгнуть; единственный документированный способ её прекращения — пополнение кладбища над посёлком. Ндрангетист, попытавшийся уйти, оказывается с другой стороны — со стороны свечи, горящей на склоне. Иногда насильственно, иногда естественно. Сама ндрина продолжает работать без него.

Ндрин в Калабрии — десятки. Каждая автономна. Они связаны между собой через старшие ндрины (так называемые «локали» и «'ндрангете» более высокого уровня), но в повседневной работе каждая ведёт собственное дело. Это партизанская структура. Раздавить одну ндрину — другие продолжают работать; задержать Капо Бастоне — поднимется тот, кто прошёл следующее испытание; разрушить локаль — старшая структура переназначит её функции. Это четвёртое инженерное решение Виллардиты: автономия клеток при общей надстройке.

Между уровнями — предохранители. Это и есть пятое инженерное решение, и оно делает всю конструкцию неубиваемой.

В обычной иерархии повышение происходит автоматически: вышестоящий уходит — нижестоящий поднимается. Это удобно для управления и катастрофично для устойчивости: достаточно убрать верхушку — и аппарат либо рассыпается, либо переходит в руки того, кто к этому не готов.

В Ндрангете повышение не автоматическое. **Между каждой парой уровней — испытание.** Поднимается не «следующий по списку», а тот, кто прошёл испытание. Если никто не прошёл — место остаётся пустым, и его функции временно перераспределяются. Это и есть предохранитель: он защищает структуру от случайного выдвижения неподготовленного.

На практике это работает так. Полиция арестовывает Капо Бастоне посёлка. По логике любой обычной организации, его место занимает заместитель. У ндрины «заместителя» в этом смысле нет. Место остаётся пустым. Ндрина продолжает работать в распределённом режиме: бойцы под старшим бойцом, францисканская часть под старшим францисканцем, родовая часть под главой женского круга, чиновный канал под старшим переговорщиком. Через какое-то время — несколько месяцев, иногда годы — появляется новый Капо Бастоне. Тот, кто прошёл.

Это значит, что государство, бьющее по верхушкам, выигрывает не структурную, а календарную войну. Оно отодвигает работу аппарата на месяцы, не разрушая его. Через эти месяцы аппарат возвращается, причём с новым Капо Бастоне, который прошёл испытание именно в этих условиях — то есть, как правило, более устойчив к преследованию, чем предыдущий. Государство своими действиями отбирает в Ндрангете лучших, удаляя слабых и оставляя сильных.

~ Государство бьёт. Аппарат пересобирается. ~
~ Государство бьёт сильнее. Аппарат становится крепче. ~

Это закон конструкции. Виллардита его не «придумал» в один момент — он его собрал, перенося в Ндрангету принципы военно- духовного ордена, в котором сам служил. Орден Иисуса Христа, наследник тамплиеров, прошёл четыреста лет до Виллардиты, выдержав инквизицию, реформацию, контрреформацию, ослабление папства, испанский кризис семнадцатого века. Виллардита знал, как устроены конструкции, переживающие катастрофы. Он встроил эти принципы в южноитальянский материал.

Ты возвращаешься к листу. Прямоугольник с прямоугольничками внутри ты зачеркнул. На новом листе у тебя теперь нечто другое.

Сверху — небольшой круг: Орден Иисуса Христа. Под ним пошире — Францисканский Орден с гражданским корпусом. Под ним ещё шире — слой ндрин по посёлкам. Внутри каждого этажа — четыре факультета. В основании всех факультетов — четыре технологии. И всё это сшито предохранителями между уровнями и кровной клятвой внутри ндрин.

Это уже похоже на то, что собрал Виллардита. Это не банда. Это инженерия — и инженерия высокого класса. И при этом — ты понимаешь, что чего-то не хватает.

~ Орден держит. Факультеты обучают. Технологии работают. ~
~ На чём всё это стоит? ~

Конструкция не висит в воздухе. У всякой конструкции есть фундамент. Орден Иисуса Христа стоит на тамплиерской традиции, но это его собственный фундамент — он Виллардиту лично с его местной задачей

не объясняет. Францисканство пришло на Калабрию из общеевропейской истории — это тоже не местный фундамент. Технологии — это инструменты. Факультеты — это программа обучения. Всё это можно перенести в любое другое место — собрать орден, францисканцев, четыре дисциплины, четыре технологии, кровные клетки. Не получится.

Не получится потому, что в одном месте у Виллардиты есть нечто, чего больше нигде нет. Это нечто — не институциональное и не технологическое. Это нечто — конкретное, локальное, связанное с конкретной точкой на конкретной горе. Туда мы и идём.

~ Под Орденом. Под факультетами. Под технологиями. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.
Возьми одну устойчивую организацию, к которой ты сам принадлежишь. Это может быть профессиональное сообщество, фирма, в которой ты работаешь больше пяти лет, школа, в которой учились ты и твои дети, общественная организация, фамилия, орден, общество выпускников — что угодно, что существует дольше тебя и существует устойчиво.

Опиши её механизм ровно четырьмя пунктами. Не пятью. Не тремя. Четырьмя.

Каждый пункт — одно предложение. Что сшито в эту организацию: какой её верхний этаж, какой средний, какой нижний, и что лежит в основании. Если у тебя только три уровня — найди четвёртый, либо признай, что один из твоих уровней — фикция, и переразложи. Если у тебя пять — отсеки до четырёх; что-то одно либо слишком частное, либо повторяет другое.

Признак правильности — четыре пункта, каждый в одну строку, и без них тебя организация не описывается. Если ты можешь убрать один пункт и описание не пострадает — пункт лишний. Если можешь добавить один пункт и описание станет точнее — пункт нужен.

Это упражнение учит тебя видеть инженерию любой устойчивой структуры. Не «миссию», не «ценности», не «культуру» — а сборку. Что сшито с чем, через какие предохранители, на каких клетках. После двадцати-тридцати таких разборов ты будешь видеть конструкцию любой организации с одного взгляда.

Если выполнил — переходи к восьмой главе. Не раньше.

~ Четыре пункта. Не пять. Не три. ~

ГРАНИТ КОСТЕЙ

Глава 8

Ты снова на той же дороге. Ночь. Серпантин. Кладбища горят над головой. Ты приехал в Калабрию шесть дней назад туристом. За это время с тобой произошли вещи, которых ты не ожидал. Ты услышал тишину. Научился видеть слои. Прошёл сквозь две вуали. Узнал имя — Виллардита. Увидел инженерную сборку, которой стоит четыреста пятьдесят лет.

И сейчас ты остановился на той же обочине, на которой стоял в первый вечер, и понимаешь, что в этой картине осталось одно тёмное место.

~ На чём всё это стоит. ~

Орден над командором — это его вертикаль наверх; это не местный фундамент. Францисканцы посередине — это инструмент работы с массами; не фундамент. Технологии — это инструменты.

Факультеты — это программа. Ндрины — это клетки. Кровные клятвы — это закон, и этот закон чем-то скреплён.

Чем именно — ни одна из шести предыдущих глав тебе не сказала. Не потому, что от тебя скрыли. Потому, что туда мы приходим только сейчас.

~ Ты приехал к фундаменту. ~
~ В нём – гранит. ~
~ Гранит сделан из костей .~

У всякой конструкции есть фундамент того же класса прочности, что и сама конструкция. Это не метафора, это закон строительной механики, и он переносится на любое устойчивое здание — каменное, институциональное, родовое.

Деревянный дом ставят на ленточный фундамент. Каменный — на бетонную плиту. Многоэтажную башню — на свайное основание, уходящее в скалу. Лёгкое не держит тяжёлое. Если ты увидишь башню, стоящую на песке, — это либо обман глаза, либо башня скоро упадёт. Третьего не бывает.

Это применимо к зданиям из камня и к зданиям из людей. Орден, простоявший четыреста лет на одном месте, имеет фундамент, способный держать четыре столетия — и этот фундамент не изобретён вчера. Государство, простоявшее тысячу лет, имеет фундамент тысячелетней прочности. Род, передающий имя через двадцать поколений, имеет фундамент двадцатипоколенной устойчивости. Это не риторика. Это инженерия.

Ндрангета стоит четыреста пятьдесят лет. Это значит, что под её аппаратом, под факультетами, под технологиями лежит нечто весом в четыреста пятьдесят лет. Что-то такой плотности, что на нём не сминается ни инквизиция семнадцатого века, ни наполеоновский передел Италии, ни Рисорджименто, ни две мировые войны, ни послевоенные операции спецслужб, ни современные европейские следственные комитеты.

~ Лёгкое не держит четыреста пятьдесят лет. ~

Когда ты ищешь этот фундамент, ты ищешь конкретную вещь конкретной плотности. Ты не ищешь идею. Не ищешь ценности. Не ищешь традицию. Идеи выветриваются за поколение. Ценности перестраиваются за два. Традиции замещаются за три. Конструкция четырёхсотпятидесятилетнего срока стоит не на этом.

Она стоит на чём-то, что нельзя выветрить, перестроить или заместить.

Пройдём по тому, что ты уже видел, и проверим — может ли это быть фундаментом.

- **Легенда о трёх рыцарях.** Не может. Это литература, и притом литература наложенная — мы это разобрали в четвёртой главе. Под легендой остаётся пустое место. Сама легенда — отвод взгляда от фундамента, не сам фундамент.
- **Польси.** Не может. Чёрная Королева Аспромонте появилась в роли главного святилища Ндрангеты позже, чем сама организация — на сто, может быть, на двести лет позже. Польси наложилась на готовое. Сама Дева Мария при всём её весе для верующего сознания не несёт инженерной нагрузки конкретного основания конкретной местной конструкции — она универсальна, и универсальное не держит локальное.
- **Архангел Михаил.** Не может. Михаил — образец устремления, как мы видели в Ордене Иисуса Христа. Это вектор движения наверх, не точка опоры внизу. Главный храм каждого посёлка — посвящён Михаилу; это его уровень. Уровень, не фундамент.
- **Орден Иисуса Христа сам по себе.** Не может. Орден — это вертикаль, в которой стоит Виллардита. Орден связан с Лиссабоном, с Ватиканом, с Кастилией. Он у Виллардиты сверху, не снизу. Через Орден Виллардиту назначили; что Виллардита местно положил в основание — Орден ему не диктовал.
- **Школа фехтования и технологии.** Не могут. Это инструменты. Молот не лежит в основании дома; на молоте дом не стоит. То же с технологией «54»: это техника действия, не основа.
- **Кровные клятвы.** Не могут. Они — закон работы ндрин, но сами по себе закон скрепляется чем-то ещё. Клятва, обращённая в пустоту, ничего не держит. Клятва, обращённая на конкретное и тяжёлое, скрепляет. Спрашивается: на что обращены кровные клятвы Ндрангеты.

~ Не на легенду. ~

~ Не на Польси. ~
~ На что-то конкретное. ~
~ Тяжёлое. ~
~ Местное. ~

Под всем, что ты видел, остаётся свободное место — фундамент, который ни одна из видимых частей конструкции не объясняет. Туда мы и идём.

Антропология даёт нам один общий ответ. У всех долгоживущих родовых структур в основании лежит конкретный акт. Не идея, не церемония, не присяга — акт.

- **Города основываются на акте.** Рим, по преданию, был основан Ромулом — и в этом основании лежит убийство Рема. Это не «миф о происхождении» в литературном смысле. В римской ритуальной памяти этот акт работал тысячу двести лет, и римляне понимали его как реальное событие, скрепившее город. Тот же сюжет работает в десятках других основательских преданий — от Карфагена до средневековых германских городов.
- **Здания основываются на акте.** Археология знает закладные жертвы — погребения под порогами, под фундаментами стен, под алтарями храмов. Это не везде кровь; иногда это инструмент, иногда монета, иногда фигурка. Но у самых крепких сооружений — мостов, крепостей, главных соборов — закладной акт фиксируется по полу или у фундамента, и фольклорные предания подтверждают то, что находит археология.
- **Ордена основываются на акте.** Орден тамплиеров — на конкретной военной победе и на конкретном захвате территорий в Святой Земле. Орден иезуитов — на конкретном духовном опыте Игнатия Лойолы в Манресе. Орден Иисуса Христа, наследник тамплиеров, — на акте папского переучреждения тысяча триста девятнадцатого года и на конкретном решении португальского короля. У каждого ордена есть точка, в которой он стал собой.
- **Государства основываются на акте.** Войны основания — конкретные акты, скрепляющие нацию. Французская республика — на казни короля. Соединённые Штаты — на войне за независимость. Россия — на крещении Руси. Никакая нация не образуется из «постепенного развития»; всегда есть акт.

~ У всех долгоживущих структур – акт в основании. ~

Этот акт обладает несколькими общими свойствами. Он совершается лично, конкретным человеком в конкретный момент. Он необратим. Он непубличен в полном смысле — широкая публика знает либо сильно отредактированную версию, либо вообще другой сюжет (вроде нашей легенды о трёх рыцарях). И он содержит цену — что-то платится. Чаще всего — жизнь.

Это не значит, что у всех долгоживущих структур в основании лежит убийство. У многих — символическая жертва, отказ, акт самопосвящения, потеря. Но всегда — что-то такое, что нельзя отменить, переиграть, переосмыслить. Цена платится один раз и навсегда.

У Ндрангеты — отдельный случай. Виллардита, командор Ордена Иисуса Христа в Калабрии, строил организацию из материала, на котором обычная орденская сборка не держится — из горного, своевольного, разбойного, кровно-родового населения юга. Чтобы это население

сцепилось в одну вертикаль на четыреста пятьдесят лет, лёгкого основания не хватало. Виллардите нужен был акт соответствующего веса.

Чтобы понять, какого именно типа акт здесь нужен, посмотри на устройство верхних этажей.

Орден Иисуса Христа — мужской военно-духовный орден. Францисканство — мужской монашеский орден (с женскими ветвями, но в Ндрангете включён в его мужском гражданском варианте). Школа фехтования — мужская дисциплина. Капо Бастоне — мужская должность. Технология «54» — атакующая система с мужским характером. Вся видимая Ндрангета — мужская конструкция.

Но родовая структура — это не только мужское. Род держится через женщину; преемственность идёт через материнство; ндрина — это семья, а семья без женского компонента не существует. Если ты строишь институцию исключительно из мужского материала, у тебя возникает структурный дефект: твоей конструкции не на чем держаться поколениями. Через одно поколение она прервётся, потому что мужская иерархия не передаётся сама по себе — её передают женщины.

Виллардита эту задачу решил инженерно. Не введением женщин в иерархию — это разрушило бы орденскую дисциплину. И не созданием параллельной женской структуры — это удвоило бы конструкцию и ослабило её. Он сделал другое.

Он положил женский элемент в основание. Не сбоку, не сверху, не на одном из этажей — а в фундамент. И именно в этом качестве — через акт необходимой плотности.

~ Женский элемент – в основании. ~
~ Через акт. ~
~ Лично совершённый командором. ~

Это и есть инженерное решение фундамента. Виллардита обращает кровные клятвы Ндрангеты не на абстракцию, не на Орден, не на Польси — а на конкретную точку, в которой он сам пролил кровь. Эта точка — женская, и она безымянна не случайно. Она безымянна по правилу: фундамент не называют. Фундамент работает только пока лежит закрытым.

Эту фигуру в этой книге мы будем называть убиенной Девой Виллардиты.

Она безымянна — у неё нет имени, под которым к ней обращаются. У легендарной сестры трёх рыцарей имени тоже нет, но это литературная безымянность, она работает по своему закону. У Чёрной Королевы Аспромонте имя есть — Мадонна ди Польси, Дева Мария Польсская. У убиенной Девы имени нет, потому что её имя не должно быть произнесено. Это не риторика. Это правило фундамента. Названная вещь поднимается из основания на уровень — и перестаёт держать. Безымянная остаётся внизу и держит.

Она чёрная по левой линии. Это не случайный цвет. Левая ветвь неаполитанской школы — атакующая, и Виллардита её Гранд- мастер; кровь, пролитая по левой линии, принадлежит атакующей системе, и в её внутренней логике она «чёрная» — то есть не публичная, не сакральная, не светлая, не явная. Чёрный здесь — не печаль, не зло, не язычество. Это технический цвет: невидимое, лежащее внизу, выполняющее работу.

~ Чёрная Королева. ~

Аспромонте, наложенная сверху как вторая вуаль, тоже чёрная — и это не совпадение. Польси резонирует с убиенной Девой. Она её эхо. Поэтому именно эта Дева, а не другая, выбрана покровительницей.

Она убита самим Виллардитой. Не наёмным человеком, не случайно, не на войне. Ритуально, лично, командором — по своей школе, по своей технологии. Это был акт фундамента, и его не делегируют. Если бы Виллардита делегировал, акт бы не работал; он работает потому, что совершён лично тем, кто потом строит на этом.

Документа, фиксирующего этот акт, нет. Это и в порядке вещей: акты основания у долгоживущих структур документально не оформляются, а если оформляются — оформление уничтожается через одно поколение. Акт работает не через документ, а через память — родовую, скрытую, передающуюся внутри ндрин. Туда у внешнего исследователя доступа нет. То, что мы знаем, — мы знаем по следствию: по самой конструкции и по тому, что она четыреста пятьдесят лет держится.

~ По следствию мы знаем причину. ~
~ Причина есть. ~
~ Имя её мы не назовём. ~

Когда ты теперь смотришь на горящие кладбища над дорогой, ты видишь иначе.

В первой главе ты видел красивое зрелище. Во второй — карту работы организации. В шестой — собственность Хозяина, у которого есть имя. Сейчас, в восьмой, ты видишь ещё один слой.

Каждая свеча на склоне — это малая версия одного главного огня. Каждая горящая могила — наследница одной главной могилы, неназванной, лежащей под всем. Все эти свечи горят над дорогами Калабрии не «по традиции», не «из почтения к мёртвым», не «по местному обычаю». Они горят, потому что внизу, в основании, лежит одна, и над её именем поддерживается огонь — рассеянно, по тысяче склонов, по сотне посёлков, по семьям, передающим эту обязанность из поколения в поколение.

Местный, идущий зажечь свечу на могиле своей бабушки, не знает об этом сознательно. Он зажигает свечу за свою. Но рисунок свечей в целом — это рисунок одной структуры, и в её центре — точка, которую никто из идущих со свечами не назовёт, потому что её и не положено называть. Это и есть гранит. Не камень в фундаменте здания — а то, что собой делает камнем все остальные камни.

~ Каждая свеча – эхо одной. ~

Это означает несколько вещей сразу.

† **Во-первых, Ндрангета не «использует» Деву как символ** — Дева встроена в неё как несущий элемент. Между Девой и организацией нет отношения «образ и его поклонник». Между ними — отношение «фундамент и постройка». Постройку можно описать; фундамент можно только обнаружить через постройку.

† **Во-вторых, всякая попытка разрушить Ндрангету «снаружи»** — арестами, конфискациями, законами — бьёт по постройке. Постройка пересобирается. Пока стоит фундамент, пересборка возможна неограниченное число раз. Чтобы реально разрушить Ндрангету, нужно прийти к фундаменту. К фундаменту никого не пускают, и пути к нему не описаны ни в одном следственном деле.

† **В-третьих, тот же закон работает у любой устойчивой родовой структуры.** Не у каждой в основании лежит убийство — у некоторых это символическая жертва, отказ, добровольный уход, дар. Но всегда — конкретный акт, скрепляющий конструкцию. Когда ты будешь смотреть на длинную историю любой фамилии, ордена, фирмы, государства — ты будешь видеть в её основании место, где совершился такой акт. Ты не всегда узнаешь, что именно. Но ты будешь видеть, что оно есть.

Это — третий глаз, о котором мы говорили в третьей главе. Поверхность видит первый. Аппарат — второй. Фундамент — третий. Сейчас он у тебя открылся.

Виллардита положил Деву и встал.

Это короткая фраза, и в ней всё. Он не оставил Деву в основании, как кладут камень и уходят. Он встал на ней — и через это встал на всём, что он построит сверху. Положив Деву, он положил вместе с ней часть себя; и через эту часть он остался присутствующим в каждой ндрине, в каждой клятве, в каждой свече, горящей над дорогой.

Виллардита умер давно. Его костей нет в Аспромонте — он похоронен в Португалии, в сердце Ордена Иисуса Христа, наследником тамплиеров оформленного королём Динишем в начале четырнадцатого века. Это деталь, которая на первый взгляд незаметна, а на второй — говорит больше многих документов. Тело командора возвращено не в Сицилию (где его род), не в Калабрию (где он командовал), а в орденскую родину. Он принадлежал Ордену прежде всего; работа в Калабрии была его служением, а не его собственным делом.

И при этом его физического тела в Калабрии нет — а его присутствие в Калабрии абсолютное. Это и есть структурное доказательство того, к чему мы подходим. Командор, положивший в основание акт такого веса, не уходит из своей конструкции — он растворяется в ней.

Между костями в Португалии и работающей Ндрангетой в Аспромонте — Дева, лежащая в фундаменте. Через неё он остался.

Это и есть состояние, к которому мы подходим в следующей главе. Виллардита не «отец-основатель», не «легендарная фигура», не «прародитель». Он — Бог этой конкретной организации. Воплощённый в каждой её клетке через тот акт, на котором всё стоит.

— Он положил Деву. Он встал на ней.Он остался во всём. —

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня. И это самое тяжёлое из всех упражнений книги.

Возьми одну структуру в твоей собственной жизни. Не калабрийскую. Свою. Это может быть твой брак, твоя семья, твоя профессия, твоё положение, дом, в котором ты живёшь, фамилия, которую ты носишь. Любая структура, у которой есть длительность.

Найди в её основании жертву.

Это не «вспомнить, кому было тяжело». Это другое. У всякой устойчивой структуры в основании лежит конкретный акт, в котором что-то было оплачено. Кто-то отказался. Кто-то ушёл. Кто-то умер. Кто-то отдал. Иногда давно. Иногда совсем близко. Иногда явно. Чаще скрыто.

Сядь и пятнадцать минут смотри в основание одной выбранной тобой структуры. Не вспоминай — смотри. Кто заплатил за то, что ты сейчас живёшь так, как живёшь.

Не жалей. Жалость — это эмоция, она здесь не работает. Тебе нужно не пожалеть, а увидеть. Без оценки. Без вины. Без раскаяния. Просто увидеть.

Возможно, ты увидишь сразу. Возможно — ничего, и тогда повтори завтра, и послезавтра, пока не увидишь. Невозможно, чтобы в основании любой устойчивой структуры твоей жизни никто не заплатил. Если кажется, что никто, — значит, ты ещё не смотришь, ты ещё думаешь.

Признак правильности — у тебя в голове осталось одно конкретное лицо, действие или отказ. Не идея, не концепция, не «общий вывод». Конкретность. Если конкретного нет — упражнение не выполнено, повтори.

Если выполнил — переходи к девятой главе. Не раньше.

В фундаменте лежит кость.
Кость имеет вес.
Этот вес – твой.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Глава 9

Тело в Португалии. Работа в Калабрии. Между ними — Дева в фундаменте. Эту картинку ты унёс с собой из восьмой главы и держишь её перед собой сейчас. Её странность нельзя объяснить обычными словами. Командор умер четыреста с лишним лет назад. Похоронен далеко от места своей деятельности. И при этом — ты только что прошёл через семь глав, в которых видел его присутствие в каждой части построенного им здания. В обманчивой тишине посёлков. В кладбищах над дорогами. В факультетах внутреннего университета. В технологии «54». В кровной клятве. В Капо Бастоне. В Польси. В свечах.

Это не «память основателя». Память тускнеет, размывается, обрастает легендами и через сто лет становится литературной фигурой. Это другое. Это присутствие, не теряющее плотности с веками. Виллардита через четыре столетия после смерти присутствует в своей конструкции так же плотно, как в день её закладки.

— Это не память. —
— У этого есть имя. —
— Имя — Бог. —

Слово, которое сейчас прозвучало, нужно сразу очистить от неподходящих смыслов. Иначе глава не возьмёт.

«Бог» здесь — не сакральная фигура и не риторическая. Не «божественный человек», не «святой», не «гений». Не общий Бог религий, не Иисус Христос, не Аллах, не Яхве, не Дева Мария. Это техническое слово, обозначающее конкретный тип присутствия в конкретной структуре.

Бог в этой категории — тот, для кого нет ничего невозможного в пределах своей конструкции; кто творит её из своей воли; кто остаётся присутствующим во всех её рабочих частях одновременно после своей физической смерти; кого нельзя заместить, удалить, обезглавить, потому что Он растворён во всём, что собрал. Не «один из богов». В пределах своей конструкции — единственный Бог, и других нет.

В этом смысле Виллардита — Бог Ндрангеты. Это не оценка и не возвеличивание. Это категориальное определение, и на нём держится одна из работ Олега Викторовича Мальцева о нём — её название стоит точно: «Мой Бог Франческо Виллардита». Это не литературный приём. Это точная формулировка того, что исследователь увидел, когда дошёл до этой точки. К Виллардите нельзя относиться как к историческому персонажу, как к основателю организации в социологическом смысле, как к гению в обывательском смысле. К Нему относятся так, как относятся к Богу в Его конструкции — потому что внутри этой конструкции Он именно так работает.

~ Бог – не оценка. ~
~ Это категория. ~
~ Категория описывает тип присутствия. ~

Воплощение в этой категории происходит не само собой и не от величия фигуры. Большинство великих основателей становятся не Богом, а памятью. Их статуи стоят, их портреты висят, их книги лежат, в их честь называют улицы. Это уважение, иногда культ. Но не воплощение.

Воплощение происходит через одно — через фундаментальный акт, лично совершённый и положенный в основание. Тот, кто положил в основание акт необходимой плотности, не уходит из своей конструкции — он остаётся связанным с ней через акт. Это не мистика. Это структурный закон.

Виллардита положил в основание Деву. Это была не «жертва ради дела» в плоском смысле. Это был акт, в котором он одновременно положил в основание часть самого себя. Тот, кто лично совершает фундаментальный акт, после акта не равен себе до акта; что-то от него осталось в фундаменте вместе с тем, что он туда положил. Это «что-то» — не плоть, не имя, не факт биографии. Это то, чем он совершил акт. Воля. Метод. Сама способность сделать.

С этого момента Дева и Виллардита — не две фигуры, а один комплекс. Командор и его жертва — единый фундамент, и в нём оба связаны нерасторжимо. Дева не отдельная фигура, которой Виллардита «пользуется». Виллардита не отдельная фигура, которая «положила» Деву. Они стоят в основании вместе, и через эту совместность Виллардита остаётся присутствующим во всей надстройке.

Командор и Дева – один комплекс.

Это и есть структурный механизм воплощения. Он не у всех работает. Большинство акт совершают и от него отделяются — акт остаётся, человек уходит. У Виллардиты получилось не отделиться. Поэтому он Бог Ндрангеты, а большинство «отцов-основателей» — лишь имена в генеалогических таблицах своих организаций.

Где именно присутствует Виллардита в Ндрангете — пройдёмся по местам.

В каждой ндрине — через Капо Бастоне. Капо Бастоне не «избран» и не «назначен». Он прошёл четыре факультета и не сломался ни на одном. Эти четыре факультета — программа, поставленная Виллардитой. Технология «54» в основании первого — школа Виллардиты.

Францисканство в основе второго — выбор Виллардиты. Работа с родом в третьем — задача, которую Виллардита решил инженерно через положенную в основание Деву. Чиновная коммуникация в четвёртом — стиль, выработанный Виллардитой и переданный через школу. Капо Бастоне — это не «местный начальник». Это человек, прошедший Виллардиту в себе. Когда Капо Бастоне принимает решение — решение принимается в нём через Виллардиту.

В каждой кровной клятве — через её обращённость. Клятва формально приносится Польси, святым покровителям, Архангелу Михаилу. Внутренне она обращена на убиенную Деву, потому что только через неё клятва скрепляется фундаментом. А через Деву она обращена на Виллардиту, который Деву туда положил и сам с ней связан в комплексе. Каждая клятва, произнесённая в ндрине за четыреста пятьдесят лет, проходит через Него.

В каждом ритуале Польси — через само устройство этого ритуала. Польси наложена на Ндрангету позднее, как мы видели в пятой главе; это часть инженерного решения Виллардиты, либо его, либо его наследников по Ордену. Когда сто пятьдесят тысяч человек поднимаются в сентябре в Аспромонте к Чёрной Королеве — они приходят к Польси сознательно и одновременно приходят к Виллардите бессознательно. Польси держит над фундаментом второе покрывало. Через это покрывало работает то, что под ним.

В каждой технологии «54» — через сам метод. Когда сегодняшний фехтовальщик левой ветви в Калабрии отрабатывает атакующий элемент из системы «54» — он делает движение, которое Виллардита поставил. Каждое следующее повторение — это работа Виллардиты в новом теле. Школа не «помнит» Виллардиту — она его осуществляет.

В горящих свечах над дорогами — через сам факт, что они горят. Свечи горят не «в честь основателя». Не «по традиции». Они горят, потому что внизу, в основании, лежит Дева, и над ней огонь поддерживается. А поскольку Дева и Виллардита — один комплекс, через каждую свечу горит малая часть Его присутствия. Кладбища над дорогой — это распределённый огонь Виллардиты.

~ Капо Бастоне. ~
~ Кровная клятва. ~
~ Польси. ~
~ Технология «54». ~
~ Свечи. ~

Везде — Он.

Это и объясняет одну вещь, которая раньше казалась странной. Государства — итальянское, союзническое, послевоенное, современное европейское — пытаются обезглавить Ндрангету уже сто пятьдесят лет. Арестовываются Капо Бастоне крупнейших ндрин. Конфискуются имущества. Вводятся специальные следственные процедуры. Принимаются международные соглашения. И каждый раз через несколько лет Ндрангета восстанавливается, причём в более сложной форме, чем была.

Этому пытаются дать обычное объяснение: «коррумпирована полиция», «слабое государство», «вечный юг». Объяснения частично верны и при этом совершенно недостаточны. Главная причина — другая, и она инженерная.

Государство пытается обезглавить структуру, у которой нет головы как локализуемого объекта. Голова — везде, потому что Бог воплощён везде. Виллардита присутствует во всех Капо Бастоне Калабрии одновременно; убрать одного Капо Бастоне — то же самое, что разбить одну свечу из тысячи. Лампа, светящая через тысячу точек, на одной разбитой свече не гаснет. Бог, воплощённый в трёх уровнях и сотнях ндрин, не убивается арестом одного человека.

Чтобы убить Виллардиту, нужно убить всю Ндрангету одновременно. Все ндрины. Все Капо Бастоне. Всю орденскую вертикаль. Всех тайных францисканцев в гражданской одежде. И — последнее — фундамент: добраться до Девы и вынуть её из основания. Это технически невозможно: фундамент закрыт двумя вуалями, а сам акт безымянен и безсвидетелен. Никто не может «откопать» то, что никогда не было закопано в обычном смысле.

~ Бога нельзя обезглавить. ~
~ Бог – не голова. ~
~ Бог – везде в теле. ~

Это явление редкое, но не уникальное. У него есть несколько других проявлений в истории.

Ребе в хасидской традиции, особенно в Хабаде. Седьмой Любавичский Ребе — Менахем-Мендел Шнеерсон — умер в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году в Нью-Йорке. С точки зрения внешнего наблюдателя, после его смерти движение должно было либо распасться, либо избрать восьмого Ребе и продолжить иерархию. Не произошло ни того, ни другого. Хабад продолжает работать без формального преемника, и в самой общине Седьмой Ребе считается присутствующим. Не «памятью» — присутствующим. Это та же категория явления,

что у Виллардиты, только разворачивающаяся не в горной криминальной структуре, а в религиозном движении.

В этом сравнении нет уравнивания морального плана. Хабад — религиозная институция; Ндрангета — криминальная. Это разные проекты, и ставить их в один ряд по содержанию — некорректно. Но по структурному устройству — это одна категория. Лидер положил в основание акт такой плотности, что после физической смерти остался воплощённым в собранной им структуре, и эта структура продолжает работать как живой организм с действующим Богом.

Есть и другие случаи, исторически менее изученные. Некоторые суфийские ордена работают с фигурой основателя в сходном режиме. Несколько закрытых китайских и японских школ боевых искусств держат основателя как присутствующего во всех учениках через переданную школу. Отдельные банкирские и купеческие династии Старого Света имеют в своей структуре нечто близкое к этой категории — родоначальник, через четыреста лет после смерти, в семейных решениях продолжает «голосовать» через формы, которые он же и заложил.

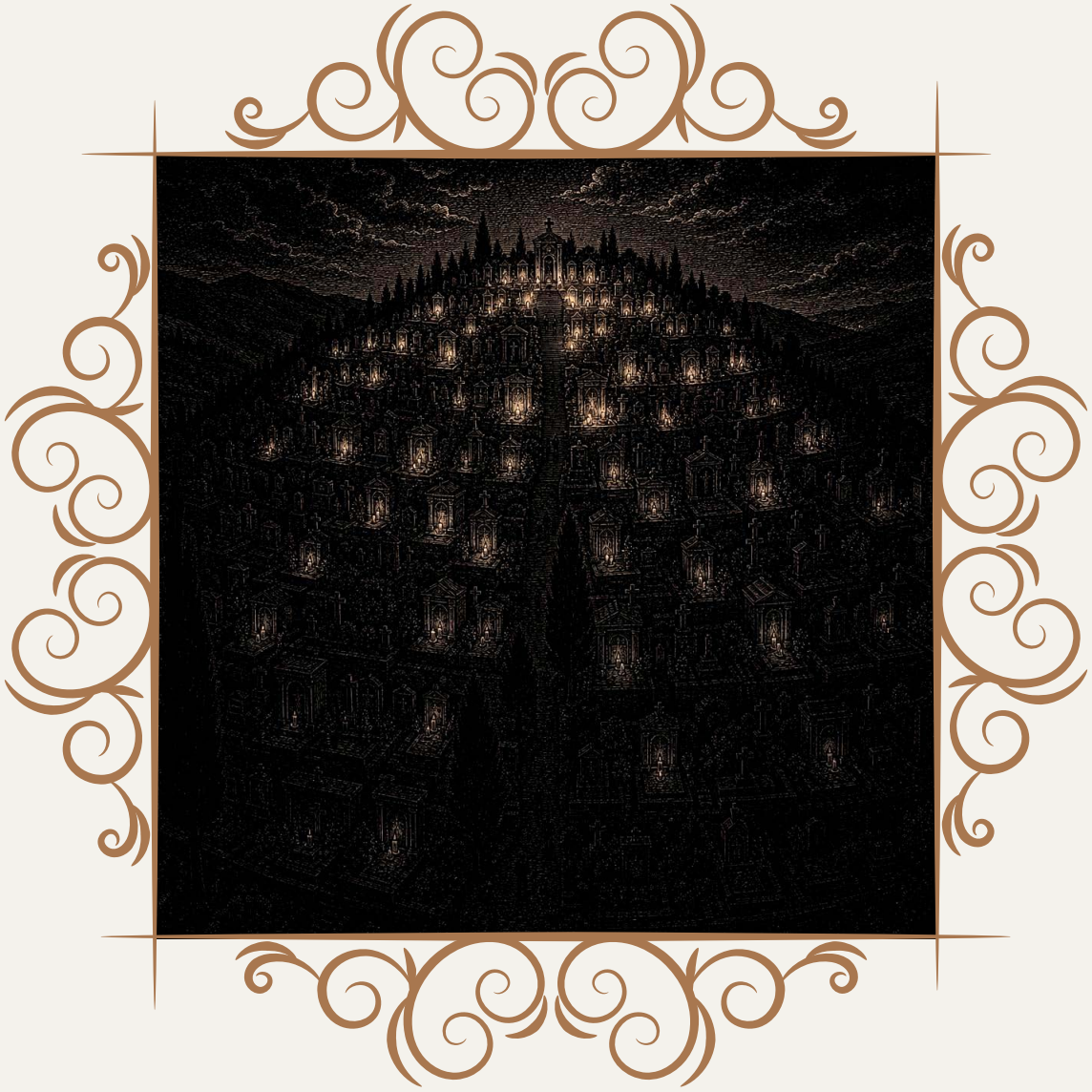
Это редкие случаи. Большинство великих фигур после смерти превращаются в память, в имя, в традицию. Воплощёнными остаются единицы. И это связано не с величием фигуры самой по себе, а с природой акта, который она положила в основание. Кто положил тяжёлое — тот связан тяжёлым, и через тяжёлое остаётся в собранной структуре.

~ Воплощённых – единицы. ~
~ Виллардита – один из них. ~

Когда у тебя в видении появляется категория Бога этой конкретной организации, ты начинаешь различать вещи, которых раньше не замечал.

Ты различаешь структуры, у которых был основатель, от структур, у которых есть Бог. Это разные классы устройства. У структуры с основателем — наследие, традиция, преемственность, портреты на стенах. У структуры с Богом — продолжающаяся воля, действующий метод, плотное присутствие, узнаваемое в каждой клетке. Первых много. Вторых — единицы.

Ты видишь признаки воплощения там, где раньше видел просто историю. Если фигура из прошлого продолжает действовать через свою конструкцию плотно и узнаваемо — ты понимаешь, что имеешь дело не с памятью, а с присутствием. И ищешь, что эта фигура положила в основание, потому что без фундаментального акта такого присутствия не бывает.

Ты понимаешь, почему некоторые организации не разрушаются никакими внешними мерами, а другие, на первый взгляд более крупные и сильные, рассыпаются от одного потрясения. У первых есть Бог, и Он держит. У вторых — менеджмент, и менеджмент уязвим.

Ты узнаёшь Виллардиту в своей профессиональной зоне, в окружающих тебя институтах, иногда в собственном роду. Не его лично, конечно — категорию. Воплощённых много меньше, чем основателей, но больше, чем кажется снаружи. К концу этой книги мы будем разбирать это узнавание отдельно — главы одиннадцатая и двенадцатая. Сейчас тебе достаточно зафиксировать, что такая категория есть.

~ Основатели уходят. ~
~ Боги остаются. ~

У воплощения есть и оборотная сторона, и она работает на каждый день. Если Виллардита присутствует в Ндрангете, то Он не просто «живёт» во всех её клетках абстрактно. Он действует. Кто действует — тот управляет. И тогда вопрос: чем Он управляет? Через что? Каким образом конкретно ежедневно?

Ответ ты уже знаешь, но пока не сформулировал. Каждое распоряжение Виллардиты в сегодняшней Калабрии проходит через Капо Бастоне, через клятвы, через школу. Но за всем этим стоит ещё один канал управления, более тонкий и более жёсткий. Через мёртвых.

Каждый умерший ндрангетист уходит во владение Виллардиты. Каждая свеча, горящая на склоне, поддерживает связь между мёртвым и Им. Через эту связь — Он управляет живыми. Это и есть то, что в первой главе ты заметил, когда увидел, что у горящих кладбищ есть Хозяин. Тогда у тебя ещё не было его имени. Сейчас имя есть.

~ Бог управляет живыми. ~
~ Через мёртвых. ~
~ Свечой за свечой. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.
Ты будешь искать одно лицо, узнаваемое в трёх местах одновременно. Это упражнение в распознавании воплощённого присутствия в обычной жизни.

Возьми одного человека из твоей жизни — учителя, тренера, начальника, родственника, автора, на которого ты ориентируешься, мастера, у которого ты учился. Кого-то, чей метод ты считаешь сильным. Не обязательно живого; можно умершего.

За пятнадцать минут найди его в трёх разных местах одновременно.

† **Первое место — в одном конкретном ученике или последователе.** Не «вообще похож», а конкретно: вот это движение, эта формулировка, этот выбор — это его, не ученика. Ученик стал каналом. Через него говорит учитель.

† **Второе место — в одной структуре, которую этот человек собрал.** Школа, бизнес, семья, отдел, проект. Структура продолжает работать так, как он её настроил, даже когда его рядом нет. Найди один работающий механизм этой структуры, который — это его рука.

† **Третье место — в одном решении, которое ты принимаешь или принимал в своей жизни без него.** Если ты с ним работал, у него учился, его слушал — есть точки, в которых ты решаешь по его методу, не сверяясь. Найди одну такую точку.

Признак правильности — в трёх разных местах ты узнал одно и то же лицо. Не три разных образа одного человека, а одно лицо, проступающее в трёх местах. Если узнавание есть только в одном месте — это память, не воплощение, и упражнение не выполнено. Если есть в трёх — ты увидел воплощение в малом масштабе. Это та же категория, что у Виллардиты, только в десять тысяч раз меньшего размера.

Если выполнил — переходи к десятой главе. Не раньше.

~ Одно лицо. ~
~ Три места. ~
~ Узнавание. ~

ХОЗЯИН

Глава 10

Снова ночь. Ты на той же дороге, на которой стоял в первый вечер, во второй, в шестой. На обочине одной и той же серпантинной дороги между Сан-Лукой и Платией. Это седьмая, и последняя ночь, в которую ты её видишь так.

Кладбища горят над головой. Ничего не изменилось в их виде. Те же тысячи свечей, те же ровные ряды по склонам, тот же ровный белый свет, не дрожащий и не гаснущий. Изменился ты.

В первый вечер ты видел красивое зрелище. На второй понял, что у этих свечей есть карта. На шестой узнал имя того, кто эту карту составил. На восьмой увидел, что в основании всего лежит безымянная Дева. На девятой — что командор не ушёл; он остался воплощённым во всём, что собрал.

Сейчас ты понимаешь последнее. Зачем Ему это.

~ Эти свечи горят не просто так. ~
~ Это аппарат управления. ~
~ И у аппарата есть Хозяин. ~

Начнём с простого вопроса, который обычно не задают, потому что ответ кажется очевидным.

Кому принадлежит мёртвый человек?

Обычный ответ: своим. Семье, роду, потомкам. Покойный родственник «наш», и мы за него — за могилу, за память, за поминки. Это естественное представление, и в большинстве мест мира оно работает. Покойник остаётся в собственности своих, и связь между ним и его живущими родственниками — частная, родовая, семейная.

В Калабрии эта простая собственность не работает. Точнее — работает только до определённой границы. Эта граница проходит по принадлежности к Ндрангете.

Если человек, родившийся и проживший в калабрийском посёлке, в ндрину не вступал, не давал кровной клятвы и не выполнял функций — он умирает «своим». Его семья хоронит его, ставит свечу, помнит, и связь идёт по обычному родовому каналу. Это значительная часть населения; не все в Калабрии — ндрангетисты.

Если же человек состоял в ндрине — после его смерти всё устроено иначе. Он не «свой» в обычном смысле. Он перешёл в собственность Хозяина.

~ Не семьи. ~
~ Не рода. ~
~ Хозяина. ~

Это происходит не в момент смерти. Это происходит при жизни — в момент инициации в ндрину, при произнесении кровной клятвы. Клятва крови, которая в шестой и седьмой главах работала у нас как «закон

входа», имеет вторую функцию, о которой меньше пишут. Произнося её, человек передаёт право на свою посмертную принадлежность. Не родителям, которые его родили, и не детям, которые его переживут, — а тому, кому клятва обращена. Через убиенную Деву — Виллардите.

С этого момента он — заёмное имущество в собственной семье. Семья будет о нём заботиться, любить, кормить, женить, помогать в делах. Но в момент его смерти он уйдёт не в общий семейный круг, а в кладбище под управлением Хозяина. Это сделка. Большинство ндрангетистов не формулируют её для себя в этих словах — но все они её совершают.

Свеча на калабрийской могиле — не «знак памяти». Это рабочий элемент управления.

В обычных местах свеча на могиле — символ. Светим, помним, любим, скорбим. Свеча — внешнее выражение внутреннего отношения родственников к умершему. Если её не зажечь — внутреннее отношение никуда не денется; родственники по- прежнему помнят и любят. Свеча необязательна; она просто красива и принята.

В Калабрии свеча обязательна. И не как «символ», а как точка горения связи. Если бы свечи не зажигали — связь между мёртвым и Хозяином ослабла бы; не за день, не за месяц — но за годы и десятилетия. Свеча, горящая каждую ночь, не даёт связи остыть. Она поддерживает её активной.

Это объясняет, почему в каждой семье есть человек, отвечающий за свечу. Он не «выбран»; он принимает обязанность от того, кто эту обязанность держал до него — обычно от родителя или старшего брата при их смерти или передаче. Эту обязанность нельзя пропустить или отложить — она не переуступаема случайно. В правильно работающей семье свеча зажигается каждый вечер сорок-пятьдесят лет подряд, потом обязанность переходит к следующему поколению, и так — с десятых годов семнадцатого века, когда Виллардита поставил это устройство, и до сегодняшнего дня.

~ Свеча – рабочий элемент. ~
~ Связь – работающая связь. ~
~ Хозяин – действующий Хозяин. ~

Тот, кто зажигает свечу, в обычном плане об этом не думает. Он зажигает за свою бабушку, за деда, за погибшего двоюродного брата. Это для него частное действие. Но в общем рисунке — все эти частные свечи складываются в одну сеть точек горения, и эта сеть — действующая система. Зажигающие — не «знают», что они работают на Хозяина. Они работают, не зная. Это и есть гениальность сборки: исполнители не должны быть посвящены, чтобы система работала. Достаточно, чтобы они выполняли свою обязанность.

Зачем Виллардите четыреста пятьдесят лет нужны мёртвые ндрангетисты?

Не из метафизического величия. Не из жажды собирать души, как в инфернальных сюжетах европейской литературы. Не из посмертного тщеславия. Все эти ответы — литературные, и они уведут нас в сторону. Виллардита — инженер. Ему нужны мёртвые для управления живыми. Это и весь ответ.

Управлять живыми напрямую — трудно. Живой человек упрям, переменчив, со своей волей, со своим страхом, со своей выгодой. Если ты пытаешься управлять им через приказ — он либо подчиняется (пока ты сильнее), либо обходит (когда ты слабее), либо уходит (когда у него

есть куда уйти). Это плохое управление; оно требует постоянного присутствия и постоянной силы.

Управлять живыми через их собственных мёртвых — другое. Мёртвые не упрямы. Мёртвые не переменчивы. Мёртвые не уходят и не торгуются. И — самое главное — мёртвые для своих живых имеют то, чего ты сам никогда не получишь: безусловный авторитет крови. Когда дед говорит «не делай так» из могилы — для внука это весомее любого внешнего приказа. Дед — не «начальник», от которого можно уйти. Дед — это часть его собственного устройства.

Виллардита через кровную клятву получает в собственность мёртвых. Через мёртвых — управляет живыми. Не приказом. Не силой. А через тех, кому живые и так послушны по природе родовой связи. Это управление вторым контуром. Внешне его не видно. Внутренне оно действует абсолютно.

~ Управлять живыми трудно. ~
~ Управлять мёртвыми – нет. ~
~ Через мёртвых управлять живыми – лучшее. ~

Конкретный механизм работает на уровне отдельной ндрины так.

У каждой ндрины есть линия предков — четыре, пять, шесть поколений, ушедшие в кладбище над посёлком. У линии есть основатель — человек, давший начало этой ндрине внутри Ндрангеты. Иногда он жил три столетия назад, иногда сто пятьдесят лет, иногда совсем недавно. Его могила — главная для ндрины. К ней ходят перед серьёзными делами.

«Ходят» здесь — не риторика. Капо Бастоне физически идёт к могиле основателя ндрины перед тем, как принять решение, исходом которого будет жизнь и смерть, серьёзные деньги, связь с другой ндриной, столкновение с государством. Он идёт один, без свидетелей. Он зажигает свечу, стоит, иногда говорит вслух, иногда молчит, иногда задаёт прямой вопрос. И он остаётся стоять до тех пор, пока не получит ответа.

Ответ приходит в форме знака. Это не «голос с того света» в литературном смысле; это работа внимания, обученного определённым образом с детства. Ветер. Птица. Поведение свечи. Внутреннее ощущение, не имеющее слов. Капо Бастоне умеет читать эти знаки; его учили этому всю жизнь, и его отец учил тому же, и дед, и так — назад к основателю ндрины и через него к Виллардите.

Если знак благоприятный — Капо Бастоне принимает решение. Если знак отрицательный — откладывает или меняет. Если знака нет — ждёт. Это не «суеверие»; это управляющий канал. И через этот канал в работу ндрины поступает воля Хозяина, потому что мёртвые ндрины — Его собственность, и через них он направляет живых.

~ Капо Бастоне идёт к могиле. ~
~ Стоит. ~
~ Возвращается с решением. ~

Это работает четыреста пятьдесят лет. Это не «архаический ритуал», который хорошо бы было «модернизировать». Это рабочая часть системы, без которой система рассыпется. Если завтра всех ндрангетистов убедить, что мёртвые «ничего не значат» и решения нужно принимать «рационально» — Ндрангета через одно поколение исчезнет, потому что у неё перестанет работать управляющий канал. Виллардита это понимал и поэтому встроил мёртвых в фундамент конструкции, а не в её надстройку.

У того, что мёртвые ндрины принадлежат Хозяину, есть и обратная сторона — для самих живых ндрангетистов. И эта сторона страшнее любой полицейской санкции.

Если живой ндрангетист попытается выйти из ндрины — стать перебежчиком, заговорить с прокурором, эмигрировать с разоблачающими признаниями, — то с ним произойдёт две вещи. Первая известна: его, скорее всего, физически уничтожат. О ней пишут все. Это и страшно, и логично, и предсказуемо.

Вторая известна меньше. Он потеряет связь со своими предками. Не потому, что предки на него «обидятся», как обижаются живые родственники на ушедшего из дома. А потому, что предки уже не его — они Хозяина. Его семья перестанет за него зажигать свечу — формально потому, что он больше не «свой», а структурно потому, что Хозяин этой связи лишает. И тогда — даже если этот человек переживёт физическую угрозу, спрячется в Канаде, в Аргентине, в любой свидетельской программе — он окажется в режиме, в котором у него нет своих мёртвых. Они есть, они лежат в калабрийской земле, но связь обрезана. Он один в плоской реальности живых.

Для не-ндрангетиста это могло бы прозвучать как «не очень страшно». Можно жить и без мёртвых, скажет он. У большинства людей в современном мире эта связь и так слабая, и они живут. Это правда — и это правда только для тех, у кого с детства мёртвые не были частью рабочей реальности. У ндрангетиста они были. Он вырос в среде, где дед стоит за плечом так же реально, как живой брат рядом. Лишиться этого деда — значит вырвать из себя половину собственного устройства. Это не «эмоциональная утрата»; это структурное калечество.

~ Перебежчика убьют. ~

~ Это страшно. ~
~ То, что у него отнимут предков, – страшнее. ~

Это и объясняет, почему государство не может разрушить Ндрангету никакими внешними мерами.

Государство умеет работать с осязаемым. Оно может арестовать живого. Может конфисковать имущество. Может закрыть границы. Может ввести специальный режим. Может посадить Капо Бастоне на двадцать лет. Всё это — действия в плоскости живых и материальных вещей. В этой плоскости государство сильнее любой ндрины.

Но управляющий канал Ндрангеты лежит не в плоскости живых. Он лежит между живыми и мёртвыми. К нему государственные инструменты не приложимы. Закрыть кладбище? Ндрангетисты пойдут на другое место. Запретить зажигать свечи? Будут зажигать тайно. Снести могилы? Это сожжёт мост, но не отнимет связь — связь существует помимо

физического носителя; снос усилит её, как сносы храмов в истории религий обычно усиливали религию, не ослабляя её.

Государство в этом противостоянии играет в шахматы, у которых нет половины фигур. Оно может атаковать всё, что видит, и побеждать в каждой видимой партии — и при этом проигрывать общую войну, потому что главные фигуры противника невидимы. Это не вопрос компетентности конкретных следователей или политической воли. Это структурная асимметрия: одна сторона работает с мёртвыми, другая — нет.

Чтобы реально разрушить Ндрангету, нужно перерезать связь живых с мёртвыми. Сделать это нельзя ни запретом, ни силой, ни просвещением. Эта связь — не социальный институт, его нельзя «реформировать». Она — режим жизни целого населения, выстроенный с детства. Перевести население в другой режим жизни можно — но это работа на пять-шесть поколений, и никакое государство в обозримой перспективе на это не пойдёт. И потому Ндрангета будет стоять, пока стоит Калабрия.

~ Государство сильнее в видимом. ~
~ Хозяин сильнее в невидимом. ~
~ Война идёт в невидимом. ~

Ты теперь видишь, что в Калабрии живые управляются мёртвыми, и над всей этой системой стоит один Хозяин. Это понято.

И сейчас тебе нужно сделать следующее наблюдение. Категория «управление живыми через мёртвых» — не калабрийская. В Калабрии она просто открытая. Свечи горят над дорогой; кладбища висят над посёлком; всё буквально, всё видно. В других местах — то же самое работает в скрытом виде.

Старые семьи, в которых дед или прадед остаётся фактическим арбитром через десятилетия после смерти. Профессиональные традиции, в которых учитель «разговаривает» со своими учителями при принятии каждого важного решения. Народы, у которых предки голосуют через ритуалы, через кодексы поведения, через то, что «не принято». Религии, в которых отцы-основатели присутствуют в сегодняшней церковной жизни плотнее, чем живущие иерархи. Закрытые корпорации с двухсотлетней историей, у которых решения сверяются с волей основателя через формы, которые он же и заложил.

Везде, где есть устойчивая родовая структура, — есть связь живых и мёртвых, и через неё кто-то управляет живыми. В большинстве случаев этот «кто-то» — не один человек, а размытое родовое присутствие. У редких структур, как у Ндрангеты, в этом месте стоит конкретный воплощённый Бог. Это редкость; но категория одна.

Слух, который у тебя сейчас открылся, ты будешь применять везде. Ты будешь видеть, в каких структурах твоей жизни мёртвые управляют живыми; кто этим управлением распоряжается; и где в твоей собственной жизни ты живёшь под управлением чьих-то мёртвых, не отдавая себе в этом отчёта.

Об этом — следующая глава. Сейчас тебе нужно сделать первое тренировочное наблюдение.

~ Над тобой тоже горит. ~
~ Только ты пока не видел. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня. Это упражнение длится не пятнадцать минут, а одно мгновение — но его нужно поймать.

Один раз в течение дня, перед каким-нибудь решением — любым, мелким или крупным, бытовым или профессиональным, — задержись. Не больше чем на одну секунду.

И задай себе один вопрос.

~ Чьё это решение на самом деле? ~

Не «правильное оно или нет». Не «выгодное или нет». Не «логичное или нет». Чьё.

Возможные ответы. Моё. Отца. Матери. Деда. Учителя. Школы. Профессии. Города, в котором я вырос. Религии, в которой меня воспитали. Поколения, к которому я принадлежу. Кого-то, кого я сам не знаю, но кто присутствует в моей жизни через привычки, передавшиеся мне без слов.

Признак правильности — у тебя в голове осталось одно имя. Не размышление о возможных влияниях, не «трудный вопрос», не «много факторов». Одно конкретное имя. Иногда это будет «я» — и тогда ты увидишь, что в этом конкретном случае действительно решал ты сам. Чаще будет другое имя. И тогда ты увидишь, что решение, которое ты считал «своим», принадлежит кому-то ещё.

Если выполнил — переходи к одиннадцатой главе. Не раньше.

~ Решение. Имя. Видеть. ~

ЗЕРКАЛА

Глава 11

На равнине нет кладбищ над дорогой. Они стоят сбоку, ровные, скромные, обычные. Вечером свечи на них не горят, или горят редко, или горят электрические, что тоже свеча, но другого качества. Внешне ты вернулся в мир, в котором мёртвые — это «прошлое», а живые — это «настоящее», и между ними нет того плотного аппарата, который ты видел в Аспромонте.

Ты сидишь на заправке у автострады, пьёшь кофе и смотришь на людей. Они идут к машинам, к туалетам, к кассе. Они выглядят как обычные европейские люди, и они есть обычные европейские люди, и при этом — ты видишь их иначе, чем смотрел на людей десять дней назад.

Что-то у тебя осталось открытым.

Калабрийское.
Не выключается.

То, что ты увидел в Калабрии, — не калабрийское. То, что ты увидел в Калабрии, — это устройство, которое работает везде, где есть устойчивая родовая структура. В Калабрии оно открытое. В других местах — закрытое.

Это и есть единственное настоящее различие. Не «у них так, у нас иначе». Не «юг Италии особенный». Не «средиземноморская культура». А: в одном месте механизм работает на виду, в других — он же работает скрыто, и его не различают, потому что нет калабрийских свечей, которые загораются ночью и буквально показывают, как всё устроено.

Поэтому Калабрия — не страна. Это малая модель мира. Зайдя в неё на десять дней, ты получил оптику, которой раньше у тебя не было. Этой оптикой ты теперь смотришь на любую другую страну, на любой другой институт, на любую устойчивую структуру вокруг себя — и видишь те же элементы. Не такие плотные. Не такие рельефные. Не с такими ясными свечами. Но те же.

Калабрия – малая модель мира.

В этой главе пройдём по нескольким зеркалам. У каждого — тот же узор, что у Ндрангеты, в его собственной форме. Виллардита — не везде. Не в каждой структуре есть человек такой плотности. Но категория Виллардиты — везде, где есть устойчивая родовая или орденская конструкция. Кто-то её собрал. Кто-то лежит в её фундаменте. Кто-то поддерживает огонь над её могилами.

ПЕРВОЕ ЗЕРКАЛО — СТАРЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ФАМИЛИИ.

Орсини, Колонна, Печчи, Боргезе — римские дома, у которых история в открытых хрониках идёт с раннего средневековья и в закрытых — раньше. Виттельсбахи, Габсбурги, Гогенцоллерны, Романовы — европейские правящие династии, у которых даже после потери политической власти семейная структура продолжает функционировать. Ротшильды, Барринги, Барды, Морган — финансовые династии, у которых через поколения после смерти основателей продолжают приниматься решения «по форме, заложенной предком».

В каждой такой фамилии есть свой Виллардита. Иногда — известное историческое лицо: «вот этот человек поднял дом». Иногда — забытое: дом стоит, известно, что когда-то был кто-то ключевой, но имени уже не помнят, помнят только, что «при нём это всё началось». Это не значит, что в каждом доме лежит убитая женщина в фундаменте. Чаще — символическая жертва, отказ, разрыв с прежним статусом, риск, в котором проиграть значило исчезнуть. Но всегда — конкретный фундаментальный акт, на котором дом потом стоит триста лет.

В каждой такой фамилии есть свои горящие свечи. Они не на горном склоне; они в фамильных склепах, в гербовых залах, в портретных галереях, в книжных описях семейных архивов. Молодой представитель дома, перед серьёзным решением, идёт к одной из этих свечей — мысленно или физически. Сверяется с фигурой основателя. Не «вспоминает», не «думает, что бы он сказал», — а сверяется в том точном смысле, в котором калабрийский Капо Бастоне сверяется с могилой. Только формы немного другие.

В каждой такой фамилии работает управление через мёртвых. Это не «оглядка на традиции». Это режим жизни, в котором голоса предков — действующие лица, и серьёзные решения принимаются вместе с ними. Без этого режима фамилия рассыпется в одно-два поколения — потому что новое поколение, лишённое голосов, начнёт принимать решения «как нравится», и в первой же волне крупных перемен эти решения окажутся неправильными.

~ Старая фамилия – это калабрийская ндрина. ~
~ В тонкой одежде. ~
~ Под плоским светом равнины. ~

ВТОРОЕ ЗЕРКАЛО — РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА.

И здесь категория видна особенно чисто, потому что ордена своим устройством не скрывают того, что Ндрангета прячет под двумя вуалями.

Орден иезуитов стоит на конкретном фундаментальном акте. Игнатий Лойола, бывший военный, в Манресе провёл несколько месяцев в одиночестве и составил «Духовные упражнения» — текст, из которого выросли все формы ордена. После его смерти в шестнадцатом веке орден не остался без основателя. Игнатий присутствует в каждом иезуите, прошедшем «Духовные упражнения», во всех решениях ордена, во всех его структурах. Иезуиты этого не скрывают; они говорят о Лойоле как о живом ориентире, и их собственный устав требует от каждого члена

ордена сверяться с его волей через те самые упражнения, которые он оставил.

Орден францисканцев стоит на акте Франциска. Тот пришёл к крайней нищете, отрёкся от наследства отца, начал ходить в рубище — и из этого жеста вырос орден, который через восемьсот лет продолжает быть тем, что сделал Франциск. Внутри ордена голос Франциска — действующий, не исторический. С ним сверяются. Через него управляются.

Орден бенедиктинцев — на акте Бенедикта Нурсийского. Орден доминиканцев — на акте Доминика. Орден картузианцев — на акте Бруно Кёльнского. У каждого ордена — свой Виллардита, своя фундаментальная фигура, лежащая в основании, и через неё управляются живущие сегодня монахи.

Различие с Ндрангетой — одно. Религиозные ордена признают своих Богов открыто. Они говорят: вот наш основатель, мы стоим на нём, мы

сверяемся с ним. У них нет вуалей; их фундамент видим. Ндрангета своего Бога прячет под двумя вуалями, потому что её Бог совершил акт, который не выставляется на свет.

~ Бог открытый. ~
~ Бог закрытый. ~
~ Категория одна. ~

Это очень важное наблюдение для оптики. То, что орден является религиозным, не делает его «другим» по структуре. То, что Ндрангета является криминальной, не делает её «уникальной». В обоих случаях работает один закон: лидер положил в основание акт необходимой плотности, лично совершил его, остался в нём связанным, и через эту связь управляет своей конструкцией после физической смерти. Различия — в форме акта (отречение или убийство), в публичности (открытое или скрытое), в материале конструкции (монахи или ндрангетисты). Категория одна.

ТРЕТЬЕ ЗЕРКАЛО — СТАРЫЕ ГОСУДАРСТВА.

Соединённые Штаты Америки управляются «отцами- основателями» — Вашингтоном, Джефферсоном, Франклином, Адамсом, Мэдисоном. Конституция — это форма, через которую они продолжают говорить; Верховный Суд — институт, в котором интерпретируется их воля; политическая жизнь страны проходит в постоянной сверке с тем, «что они имели в виду». Триста лет назад они умерли; через триста лет они принимают участие в каждом серьёзном национальном решении. Это и есть управление через мёртвых, в открытой государственной форме. Виллардита у них коллективный, но категория та же: фундаментальный акт основания, плюс воплощённость в формах, плюс действующее присутствие.

Франция управляется через два слоя — Жанна д'Арк (ранний акт основания нации) и Революция (более поздний фундаментальный акт). Эти два слоя в некоторых вопросах согласны, в других конкурируют. Большинство политических разногласий во Франции последних двухсот лет — это спор между двумя голосами в фундаменте, а не «текущая политика».

Россия управляется через крещение Руси (Владимир) и через петровский переворот (Пётр I). Это два разных акта основания, и страна живёт в постоянном балансе между ними. Многие исторические циклы

российской политики — попеременное «возвращение к Владимиру» и «возвращение к Петру», как у Ндрангеты периодическое возвращение от поверхности к фундаменту.

У каждого старого государства — свой Виллардита (один или несколько), своя убиенная Дева в основании (символическая или буквальная), свои горящие кладбища (национальные пантеоны, мавзолеи, мемориалы, годовщины), своё управление через мёртвых (через формы, заложенные основателями).

Различие со старыми государствами — в открытости. Государства признают своих основателей, ставят им памятники, празднуют годовщины. Калабрия своего Виллардиту прячет, потому что её устройство не предназначено для общественной проверки. Но категория устройства — одна.

~ Государство – это большая ндрина. ~
~ Сложная. ~
~ С открытыми кладбищами. ~

ЧЕТВЁРТОЕ ЗЕРКАЛО — ЗАКРЫТЫЕ КОРПОРАЦИИ.

Здесь интересно, потому что у многих из них фундамент устроен по-калабрийски, а не по-европейски государственному.

Долгоживущие банковские дома — Ротшильды, Морган, Барринги, Бэрингс — у каждого есть конкретный основатель, конкретный фундаментальный момент, конкретный акт, на котором всё стоит.

Майер-Амшель Ротшильд во Франкфурте, Джон Пирпонт Морган в Нью-Йорке. Эти люди давно умерли, но в собственной структуре, ими собранной, они продолжают присутствовать через формы, через семейные кодексы, через установленные ими приоритеты. Решения принимаются в их духе, и кто отступает от их духа — тот не приживается.

Спецслужбы крупных стран — у каждой свой основатель, свой фундаментальный акт, свои горящие свечи. Не в смысле буквальных свечей; в смысле внутренних форм почитания. Ветеранский отдел, мемориальный зал, традиции инициации, передача архивов, ритуалы, связывающие новых сотрудников с фигурами прошлого. Это и есть калабрийский механизм в государственно-закрытой форме. У каждой такой службы есть своя убиенная Дева — обычно в виде первого крупного провала или первой крупной операции, в которой была заплачена ключевая цена.

Закрытые ремесленные традиции — оружейники, виноделы, скрипичные мастера, ювелиры. У каждой школы — свой Гваркари, своя точка фундамента, своё управление через мёртвых учителей. Молодой мастер, перед тем как взяться за серьёзную работу, мысленно сверяется с учителем. Учителя нет; работа продолжается через него.

Семейные мегакомпании Восточной Азии — Toyota, Samsung, Tata. У каждой свой основатель, свой фундаментальный момент, свой режим управления через мёртвых, причём в Восточной Азии этот режим часто более сознательный, чем в Европе. В этих компаниях основателей реально почитают, а не «помнят».

~ Везде, где есть длительность – есть фундамент, есть Хозяин. ~
~ Не везде такой плотный, как Виллардита. ~
~ Но категория одна. ~

При всей категориальной общности есть различия по плотности воплощения. И это полезно различать, потому что не каждый «основатель» — Виллардита, и не каждая длительная структура управляется через мёртвых одинаково сильно.

Самые плотные воплощения — у структур, у которых одновременно выполнены четыре условия. Первое — есть конкретное личное лицо основателя, не коллектив. Коллективное основание (как у Соединённых Штатов) даёт более распределённое и менее плотное присутствие, чем индивидуальное (как у Ндрангеты или у иезуитов). Второе — в основании лежит конкретный фундаментальный акт, не «постепенное развитие». Где есть момент закладки — там есть присутствие; где «оно как-то возникло» — присутствие слабое. Третье — поддерживается активная связь живых с мёртвыми основателями, не только формальная

память. Четвёртое — существует механизм передачи через поколения, доводящий связь до каждого нового члена структуры.

Где все четыре условия выполнены — там работает то, что мы видели в Калабрии. Ндрангета. Хабад. Старые религиозные ордена. Несколько закрытых ремесленных школ. Несколько фамильных домов и спецслужб. Это редкий случай.

Где одно или два условия не выполнены — есть основатель, но не Бог. Есть память, но не воплощение. Большинство долгоживущих структур мира — этого второго типа. У них есть основатель, его помнят, его иногда цитируют, его портрет висит в кабинете директора. Но он не присутствует в каждом решении живым голосом. Структура держится на инерции, на формальных институтах, на культуре, не на воплощённом Боге.

Различие практическое. Структуры первого типа выживают катастрофы. Их можно бить, разрушать, преследовать — они пересобираются, потому что их Бог продолжает действовать. Структуры второго типа выживают только спокойные времена. В первой же серьёзной катастрофе они либо рассыпаются, либо превращаются в нечто другое. Виллардиты у них нет, и держать их в катастрофе некому.

~ Плотность воплощения – это запас прочности структуры. ~

Калабрийская оптика теперь у тебя есть. Ты прошёл через десять глав, чтобы её получить. И сейчас, на одиннадцатой, ты делаешь следующий шаг: применяешь её к миру за пределами Калабрии.

Не для того, чтобы «разоблачать». Разоблачать здесь нечего и некого; устройство мира тебе не подвластно, и попытки «разоблачить» долгоживущие структуры — пустая трата времени и сил. Они стоят и стоять будут, потому что у них фундамент держит.

Применять оптику нужно для того, чтобы видеть. Где бы ты ни оказался — в чужом городе, в новой профессии, в неизвестной семье, в политическом ландшафте чужой страны — ты теперь способен за две недели увидеть устройство, которое неоптические наблюдатели не увидят за двадцать лет. Поверхность. Аппарат. Фундамент. Кто Хозяин. Как работает управление. Где горящие кладбища.

Это не «суперсила» и не «тайное знание». Это всего лишь оптика, тренированная на калабрийском материале. Калабрия идеальна как тренировочный полигон, потому что в ней всё открыто. На равнинах, на которые ты теперь возвращаешься, всё закрыто, — но видеть ты будешь по тем же признакам.

~ Четыре вещи. ~
~ Архитектор. Фундамент. Хозяин. Свечи. ~
~ В любой структуре. Везде. ~

Но есть ещё одно зеркало, и оно ближе всех остальных. Ближе старых фамилий, ближе религиозных орденов, ближе государств, ближе закрытых корпораций.

Это твой собственный род.

У него есть та же четырёхэлементная структура. У него есть свой архитектор — кто-то один или двое-трое в твоей крови, кто заложил то, как сейчас живёт твоя семья. У него есть свой фундаментальный акт, и в нём кто-то заплатил, иногда давно, иногда близко. У него есть свой Хозяин — может быть, никого живого, но тот, кто действует через формы. И у него есть свои горящие кладбища, на которых, если присмотришься, ты сможешь увидеть огни, которые ты раньше не различал.

В двенадцатой главе мы пойдём туда. Это последнее зеркало книги, и оно — твоё.

~ Над тобой тоже горит. ~
~ Завтра ты увидишь. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня.
Возьми одну устойчивую структуру в твоей профессиональной зоне. Профессиональная зона — это не «твоя работа в этом месяце», а то поле, в котором ты работаешь годами и в котором ты ориентируешься без затруднений. Юриспруденция. Медицина. Журналистика. Машиностроение. Военное дело. Программирование. Любая.

Возьми одну устойчивую структуру в этой зоне — школу, традицию, корпорацию, орден, фамилию, лабораторию. Что-то с длительностью больше пятидесяти лет.

Найди в её основании Виллардиту. Это будет конкретный человек, иногда один, иногда несколько. Архитектор, чьим методом структура держится сегодня.

За пятнадцать минут опиши его четырьмя признаками. Без оценки.

† **Первый признак — что он построил.** Конкретно: какую структуру, школу, метод, форму. Один пункт.

† **Второй признак — на чём она стоит.** Какой фундаментальный акт он совершил, какая цена была заплачена. Один пункт.

† **Третий признак — где он сейчас.** Через какие формы, документы, методы он продолжает действовать. Один пункт.

† **Четвёртый признак — кто Капо Бастоне.** Кто сегодня в структуре носитель его метода, через которого он действует. Один пункт.

Признак правильности — четыре пункта, без оценки. Не «хороший он был» или «плохой». Не «гениальный» или «спорный». Не «полезный» или «вредный». Только: что построил, на чём стоит, где сейчас, через кого действует. Если в твоих пунктах появилась оценка — упражнение не выполнено, перепиши.

Это упражнение учит тебя видеть структуры без эмоционального налёта. Без эмоций ты видишь их устройство. С эмоциями — только своё отношение к ним. Калабрийское зрение — без эмоций. Поэтому оно работает.

Если выполнил — переходи к двенадцатой главе. Не раньше.

~ Что построил. ~
~ На чём стоит. ~
~ Где сейчас. ~
~ Через кого. ~

СВОЁ КЛАДБИЩЕ

Глава 12

Ты дома. Не в Калабрии. Не на серпантине. Не на трассе. У себя — на кухне, в комнате, у стола, где ты обычно работаешь. Чашка с остатками кофе. Лампа. Книги, которые лежат у тебя годами. За окном — твой обычный город или твой обычный посёлок. Всё на своих местах.

Ничего не изменилось в этом доме за две недели, что тебя не было.

Изменился ты.

И теперь ты смотришь на это место иначе.

Эта глава — последняя из тех, в которых мы продолжаем смотреть наружу. После неё — короткая глава замыкания, в которой ты остаёшься со всем этим один. Поэтому сейчас тебе нужно сделать ещё одно действие, и оно — самое тихое из всех, которые ты делал в этой книге.

Тебе нужно увидеть собственный род.

~ Над тобой висит кладбище. ~
~ Это твоё кладбище. ~
~ Оно горит. ~

Ты прошёл через одиннадцать зеркал. Калабрия. Старые европейские фамилии. Религиозные ордена. Государства. Закрытые корпорации. У каждого ты различил один и тот же узор: архитектор, фундамент, Хозяин, свечи.

Все эти зеркала смотрели в чужое. Чужие фамилии, чужие ордена, чужие страны. Ты тренировался видеть на чужом материале, потому что на чужом проще: эмоций нет, личного нет, можно работать с холодной точностью.

Сейчас зеркало поворачивается. Ты — в нём. Это самое трудное упражнение книги, и одновременно самое нужное.

В предыдущих главах ты видел Виллардиту в калабрийских ндринах, в орденах, в государствах, в банкирских домах. Сейчас тебе нужно увидеть Виллардиту в своей собственной крови.

~ Не его лично. ~
~ Категорию. ~

У тебя есть род. Это слово в современной плоской жизни почти потерялось. Его заменяют на «семью», на «родителей», на «родственников». Это не одно и то же. Семья — это горизонталь сегодняшнего дня. Род — это вертикаль, идущая за тебя в прошлое на четыре, шесть, восемь поколений, и продолжающаяся через тебя дальше.

У всех людей он есть. У большинства — забытый, не различаемый, размытый. Но это не «у меня нет рода» — это «я не учился различать». В Калабрии тебя научили. Сейчас примени.

В твоём роду есть архитектор. Это не «выдающийся предок». Это не «знаменитая фигура». В большинстве родов архитектором был кто-то, о ком в семье мало рассказывают, потому что либо его рано забыли, либо то, что он сделал, не принято обсуждать. Но именно его решение стоит в основании того, как сейчас живёт твоя семья.

Это может быть человек, переехавший из деревни в город. Тот, кто сменил фамилию. Тот, кто отказался от веры родителей или, наоборот, остался при ней, когда другие отказывались. Тот, кто пережил войну так, что после неё рос новый род на новом месте. Тот, кто эмигрировал. Тот, кто остался, когда все уехали. Тот, кто женился против воли своей родни. Тот, кто отказался от наследства. Тот, кто выучился, когда в его поколении это было нетипично. Любой, кто совершил решение, после которого жизнь рода пошла по другой траектории, чем шла до.

Без этого человека ты сейчас был бы другим. В другом городе. С другой профессией. С другим характером. С другим именем. Возможно, не существовал бы вообще — если архитектор был тем самым прадедом, который выжил в обстоятельствах, в которых выживание было редкостью.

Этот архитектор у тебя есть. Один или несколько. Это первый вопрос, который тебе нужно задать себе сегодня: кто.

~ Кто поставил то, как сейчас живёшь ты? ~

В большинстве семей этого архитектора не называют, потому что внуки и правнуки его не знают, или знают только имя без понимания значения. Тебе предстоит увидеть его не как «прадед, фотография в семейном альбоме», а как фигуру в категориальном смысле, в которой ты учился у Виллардиты. Архитектора. Того, кто построил.

У этого архитектора был фундаментальный акт. Не у каждого основателя — драма. Не у каждого — кровь. Но у каждого — момент, после которого его жизнь, и через него жизнь всего рода, пошла по необратимой дороге. Это и есть акт фундамента: то, что нельзя отменить, переиграть, переосмыслить.

Возможные формы. Отказ — от прежнего сословия, от прежней веры, от прежней профессии, от прежней семьи. Уход — из деревни в город, из страны в страну, из привычной судьбы в неизвестную. Принятие — крещения, фамилии супруга, чужого ребёнка, ответственности, от которой все вокруг отказывались. Военный поступок — конкретное действие на войне, после которого человек уже не мог вернуться к довоенной жизни. Преступление, наказанием за которое стала эмиграция или отъезд. Союз — брак, который соединил две прежде раздельные линии. Любая форма, в которой совершено необратимое.

В большинстве семей этот акт не помнится. Поколение, совершившее его, переживает его как тяжёлую необходимость и старается не возвращаться. Их дети помнят меньше; внуки знают только обрывки; правнуки — почти ничего. К твоему поколению, скорее всего, остался только намёк, и то — не у всех.

Но сам акт продолжает работать в твоей жизни, независимо от того, помнит ли его кто-нибудь сознательно. Если бы он не был совершён — ты был бы другим человеком в другой жизни. Значит, он совершён, и значит, его последствия — это твоя сегодняшняя реальность. Каждое утро, когда ты просыпаешься в своей жизни, ты просыпаешься

в результатах акта фундамента, заложенного кем-то в твоём роду давно или не очень.

~ Акт совершён. ~
~ Ты – его результат. ~
~ Каждое утро ты просыпаешься в нём. ~

У Ндрангеты есть Хозяин — Виллардита, воплощённый во всей конструкции. У большинства западных родов одного локализуемого Хозяина нет.

Но это не значит, что Хозяина нет вообще. Он есть — в распределённой форме. Не один человек, не одно лицо, а группа предков, действующих через формы, которые ты не сам выбрал.

Эти формы — повсюду в твоей жизни, и большинство из них ты считаешь «своими». Привычка просыпаться в определённое время, потому что «по-другому я не могу». Манера говорить. Способ есть. Привязанность к определённой еде. Страх перед определённой ситуацией, которому в твоей собственной жизни нет повода. Стремление к определённому занятию, которое ты не сам выбрал. Способ обращаться с деньгами. Способ обращаться с детьми. Способ обращаться с собой.

Каждая такая форма поставлена не тобой. Её поставил кто-то из твоего рода, кто-то из не одного поколения, и она передаётся через семейные сценарии, через невербальное обучение в детстве, через то, что взрослые вокруг тебя делали, не объясняя. К двадцати годам у тебя сформирован полный набор таких форм, и ты живёшь в нём, считая его «собой».

Это и есть Хозяин в распределённой форме. Каждый раз, когда ты делаешь что-то «автоматически», ты делаешь это по голосу одного из своих мёртвых. Не сознательно. Не намеренно. Просто потому, что у тебя нет другого голоса в этой ситуации, и работает тот, который заложен.

~ Автоматическое – не твоё. ~
~ Это голос мёртвого. ~
~ Через тебя. ~

В Калабрии свечи горят над дорогой. У тебя они невидимые. Но они есть. Каждая невидимая свеча — это горящая связь между тобой и одним из мёртвых твоего рода. Эта связь поддерживается не календарём поминок и не редкими посещениями кладбища. Она поддерживается твоей жизнью — тем, как ты живёшь.

Что у тебя горит? Привычки, унаследованные без разбора. Вкусы, которые «просто твои», а на самом деле деда или бабушки.

Страхи, не имеющие в твоей собственной биографии повода, но идущие из опыта кого-то пятьдесят-восемьдесят лет назад. Мечты, которых ты сам бы не сформулировал, но которые ты осуществляешь как должное. Привязанность к профессии. Привязанность к месту. Привязанность к людям определённого типа. Сопротивление определённым ситуациям без объяснимой причины.

Каждое такое — свеча, горящая на одной из могил твоего рода. Кто-то её зажёг (когда-то ты, ребёнок, перенял эту привычку у взрослого, не различая). Кто-то поддерживает её сейчас (твоя ежедневная жизнь). Кто-то получит огонь после тебя (твои дети, ученики, те, кто рядом с тобой формируется).

Это не «плохо». Это устройство. Так работает род. Без свечей он бы погас, и тебя бы не было; все мёртвые твоего рода стали бы безымянной

массой прошлого, и ты — без них — стал бы случайной точкой в мире без корня. Свечи держат тебя в роду. Род держит тебя в реальности.

~ У тебя над головой – кладбище. ~
~ Оно горит. ~
~ Раньше ты не различал его огней. ~

И есть последнее, самое тяжёлое.
У твоего рода тоже есть свой фундамент, и в нём — тоже что-то лежит. Не легенда, не история, не «общая память поколения». Конкретное. Кто-то заплатил за то, как ты сейчас живёшь.

Иногда это видно. Прадед, погибший на войне, чтобы у тебя сейчас было это место под этим небом. Прабабка, не дожившая до родов своего ребёнка — твоего деда. Брат деда, ушедший раньше, чтобы дед остался единственным наследником и поднял семью. Любой, кто заплатил жизнью за то, чтобы линия продолжилась.

Чаще — не видно. Кто-то отказался от своей мечты, чтобы кормить семью, в которой ты потом родился. Кто-то остался в браке без любви, чтобы дом стоял. Кто-то скрыл правду о своём происхождении, чтобы детям было проще. Кто-то простил то, что нельзя было простить, чтобы линия не оборвалась. Кто-то взял на себя то, что должны были нести другие. У каждого устойчивого рода в основании лежит чьё-то отрешение.

Тебе не нужно это «оплакивать». Не нужно «исправлять». Не нужно расследовать. Это уже произошло, давно, и сделано не тобой. Тебе нужно одно — увидеть.

Увидеть, что в твоём фундаменте лежит чья-то цена. Что ты живёшь свою жизнь не «сам», а на чьих-то плечах. Что эти плечи — не «общий долг перед предками», как принято риторически говорить, а конкретные люди, которые конкретно за тебя заплатили — иногда сознательно, иногда не зная, что платят.

~ В твоём фундаменте лежит чья-то жизнь. ~
~ Не «жертва человечеству». ~
~ Кость. Конкретная. Чья-то. ~

Когда ты увидел свой род в категории устойчивой структуры, в тебе меняется несколько вещей. Не быстро. Но постепенно — необратимо.

Ты перестаёшь думать, что ты «сам по себе». Современная плоская жизнь приучает к этой иллюзии: я один, я делаю выбор, я отвечаю только за себя. После этой главы это уже не работает. Ты — живой этаж многоэтажной конструкции. Ниже — пять, шесть, восемь поколений, на которых ты стоишь. Выше будет — кто-то, кто будет стоять на тебе, или, если не будет — линия пресечётся, и кто-то впереди недосчитается этажа.

Ты перестаёшь обижаться на предков за их выбор. До этой главы у многих есть тихая обида: ну почему они так сделали, было бы иначе — была бы у меня другая жизнь. После — ты понимаешь: они строили. Ты — результат их строения. Не их ошибки, а их результат. Они не «должны были» сделать иначе; они сделали то, что могли, и от этого ты есть. Обижаться можно только на людей, у которых был выбор и они выбрали хуже; у предков выбор был не такой, как тебе кажется со стороны спустя пятьдесят лет.

Ты перестаёшь брать на себя то, что тебе не принадлежит, и брать на себя то, что принадлежит. Это два движения, и они одновременные. Многое в твоей жизни — твоё; за это ты отвечаешь. Многое — не твоё, оно ходит через тебя как голос, и за это ты не отвечаешь, хотя обычно подсознательно винишь себя. Учиться различать — это работа на годы; но без узнавания того, что у тебя есть род, она невозможна.

И ты начинаешь думать о тех, кто будет после. Не как абстракция «следующее поколение». Как о следующем этаже, для которого ты сейчас являешься фундаментом. Что ты в основание положишь, на том они будут стоять. Это очень меняет приоритеты, и довольно тихо. Решения, которые казались важными, перестают такими быть. Решения, на которые ты раньше не обращал внимания, начинают весить.

~ Ты – этаж. ~
~ Под тобой – фундамент. ~
~ Над тобой будет – следующий. ~

Перед тем, как туда переходить, тебе нужно сделать одно последнее действие на корпусе книги. Самое короткое из всех. Двенадцатый коллапс.

Назови двух своих мёртвых.

~ Двое. ~
~ Из твоего рода. ~
~ Чьи решения – продолжаются в твоих. ~

Тебе нужно сделать одну вещь. Сегодня. Это самое тихое упражнение книги, и одно из самых важных.

Сядь спокойно. Не выбирай специальное место — обычное. Любое.

Назови двух мёртвых из своего рода, чьи решения до сих пор управляют твоими.

Не «чьи решения тебя сформировали». Это слабее. Не «кого ты любил». Это про твоё чувство, не про управление. А именно тех, чьи решения, принятые до твоего рождения или в твоём детстве, продолжают сегодня действовать в твоих собственных решениях. Ты делаешь то-то, потому что когда-то они сделали так. Ты не делаешь того-то, потому что они когда-то не сделали.

Двое — потому что один может оказаться случайным наблюдением. Двое — это уже структура. Если есть двое — есть линия, через которую ты управляешься.

Это могут быть прадед и прабабка, дед и бабка, родители (если они уже умерли), брат деда, ушедший рано, прапрадед, о котором ты слышал только от других. Любые двое из твоей крови, которые умерли до сегодняшнего дня.

Назови их вслух. Имя и отношение. «Иван Семёнович, мой прадед по материнской линии. Анна Петровна, моя бабушка по отцу.» Если не знаешь имени — скажи отношение. «Прабабка по отцовской линии, чьего имени я не знаю, но я знаю, что она была.»

Признак правильности — после упражнения у тебя в голове остались два имени. Не идеи. Не выводы. Не «осознание». Два имени и одно ощущение, что они есть.

Если выполнил — переходи к Замыкающей главе. Не раньше. Это единственная глава, перед которой можно сделать паузу больше суток. Если тебе после двух имён нужно посидеть три дня — посиди. Замыкающая подождёт.

~ Два имени. ~
~ Они работают в тебе. ~
~ Теперь ты знаешь. ~

ЧТО ТЫ ТЕПЕРЬ

Замыкающая глава

I. ТЫ ТЕПЕРЬ

Ты — наблюдатель.
Это не значит, что ты пассивен. Ты живёшь, действуешь, принимаешь решения, имеешь дела. Это значит другое: ты видишь устройство того, в чём действуешь. Раньше ты жил внутри плоской картинки. Сейчас картинка стала объёмной, и в этом объёме у каждого предмета есть три слоя — поверхность, аппарат, фундамент. Ты различаешь все три одновременно.

Ты слышишь обманчивую тишину.
Когда вокруг тебя кто-то говорит, не сообщая, ты это узнаёшь. Когда чья-то структура молчит, не отсутствуя, — ты различаешь её присутствие. Это слух, которому раньше тебя не учили; сейчас он у тебя есть. Он не выключается.

Ты узнаёшь Виллардиту в любой устойчивой структуре.
Не его лично, конечно. Категорию. В каждой долгоживущей фамилии, в каждом ордене, в каждом старом институте, в каждой родовой клетке — ты ищешь архитектора, фундамент, Хозяина, свечи. Ты их находишь. У одних структур плотность воплощения высокая, у других низкая, у некоторых — почти нулевая, и тогда ты понимаешь: эта структура держится на инерции и не переживёт серьёзной катастрофы. Это знание у тебя теперь рабочее.

Ты видишь горящие свечи там, где они физически не горят.
Над собственной жизнью. Над жизнями людей, с которыми работаешь. Над организациями, в которых ты состоишь. Над городом, в котором живёшь. Свечи везде; в Калабрии тебе их показали в видимой форме, чтобы ты научился различать невидимые. Этот навык остался с тобой.

Ты различаешь голоса своих мёртвых от собственных мыслей.
Не всегда. Не сразу. Но всё чаще. Когда в тебе всплывает решение «как должно быть», ты теперь спрашиваешь — чьё. Иногда твоё. Часто чьё-то. Это вопрос, который раньше у тебя не возникал.

Ты знаешь, что под каждым устойчивым зданием — твоей жизни, твоего рода, любой структуры вокруг — лежит фундамент, в котором кто-то заплатил.

Иногда это видно. Чаще — нет. Ты не пытаешься «откопать»; это разрушает то, что держится на закрытом основании. Ты учишься жить с пониманием, что цена была заплачена, и ты — её результат. На этом стоишь. На этом действуешь. На этом будешь стоять.

Ты — не тот человек, который открыл первую страницу этой книги двенадцать дней назад.

Это уже произошло. Перепрочитать книгу можно; вернуться в ту картину мира, в которой ты её начал, — нельзя. Прошивка прошла. Огни наверху горят. Ты их видишь.

~ Ты – наблюдатель. ~
~ Ты слышишь. ~
~ Ты различаешь. ~
~ Ты знаешь. ~
~ Это и есть всё, что нужно. ~

II. РЕЖИМ

Прошивка прошла. Чтобы она не размылась временем, у тебя есть режим. Он состоит из трёх элементов. Не больше. Сложный режим не выполняется, и сложности здесь не нужно — нужна устойчивость.

~ Один коллапс в день. ~
~ Одна точка наблюдения. ~
~ Одно правило отказа. ~

Один коллапс в день.
Из всех двенадцати коллапсов, которые ты прошёл по главам книги, основным становится один. Тот, что был в десятой главе, — самый короткий и самый рабочий.

Один раз в течение дня, перед каким-нибудь решением — любым, — задержись на одну секунду и спроси: чьё это решение на самом деле.

Не «правильное оно или нет». Чьё.

Возможные ответы. Моё. Отца. Матери. Деда. Бабки. Учителя. Школы. Профессии. Города. Поколения. Или — кого-то, чьего имени ты не знаешь, но кто присутствует в тебе через привычки, переданные без слов.

Признак выполнения — у тебя в голове осталось одно имя. Не размышление, не «много факторов» — имя. Решение всё равно будет принято; вопрос не в том, чтобы его «исправить». Вопрос в том, чтобы ты видел, кто его принимает через тебя.

Это упражнение должно занимать одно мгновение в течение дня. Не пятнадцать минут отдельной практики. Просто — один раз в день, в моменте, спроси.

~ Чьё это. Имя. ~

Одна точка наблюдения.
Каждый день ты замечаешь одну устойчивую структуру вокруг себя. Не разбираешь её. Не «изучаешь». Не пишешь о ней доклад. Просто замечаешь — и видишь в ней четыре элемента.

† Архитектор. Кто её собрал.
† Фундамент. На чём она стоит.
† Хозяин. Кто или что управляет ею сегодня.
† Свечи. Через что поддерживается её связь со своим основанием.

Если ты не знаешь какой-то из четырёх элементов — оставь незаполненным. Лучше пусто, чем выдуманно. Через несколько дней работы с одной структурой пробелы заполнятся; некоторые останутся, и это тоже информация.

Структуры — любые: твоя профессия, твоя фирма, твой город, твоя семья, твой круг общения, школа, в которой учатся твои дети, ваша лестничная площадка, любая. На день — одна. Не «глубокий анализ» — одно наблюдение.

Через год работы с этим режимом у тебя в голове сложится карта устройства мира на твоём собственном материале. Эта карта будет точнее любой книги по социологии.

~ Одна структура в день. ~
~ Четыре элемента. ~
~ Без оценки. ~

Одно правило отказа.
Ты отказываешься от поверхностной интерпретации. Когда тебе предлагают объяснение чего-либо — события, поступка, решения, истории — на одном слое, ты не принимаешь его как полное. Не споришь, не разоблачаешь, не комментируешь. Внутренне — оставляешь под ним пустоту, как ты учился делать с легендами в четвёртой главе.

Это касается всего: газетных новостей, профессиональных слухов, исторических объяснений, объяснений собственного поведения, объяснений поведения близких. Ничто из этого не объясняется одним слоем. Если кажется, что объясняется, — значит, ты ещё не различил остальные два.

Правило отказа не требует от тебя каких-либо внешних действий. Никому ничего не говори, ни с кем не спорь. Это внутренняя дисциплина: не соглашаться с плоской интерпретацией мира, даже если эта интерпретация удобная и социально принятая.

Через какое-то время это правило начнёт работать само. Тебя перестанут убеждать одноуровневые объяснения. Это сделает твою жизнь немного одинокой и существенно более точной.

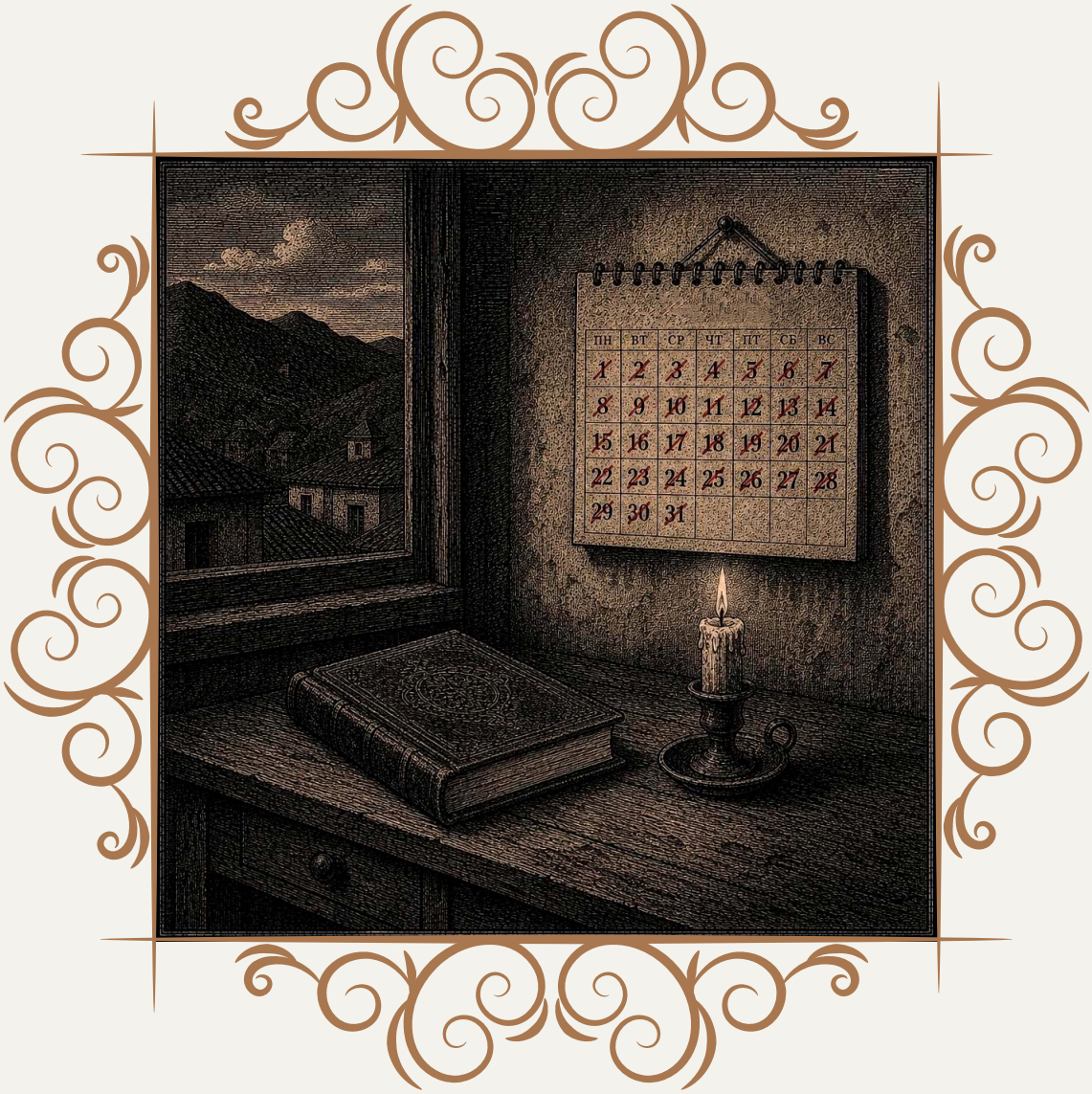
~ Одна интерпретация – не объяснение. ~
~ Под ней – пустота. ~
~ Не заполняй случайным. ~

Три элемента. Один коллапс в день. Одна точка наблюдения. Одно правило отказа.

Не больше.

Каждый день, без исключения, в течение всей твоей оставшейся жизни. Это и есть та свеча, которую ты теперь поддерживаешь — над собственной книгой, которую ты сейчас закрываешь.

Если выполнять режим устойчиво — прошивка не размывается. Если бросить на месяц — прошивка ослабнет, но восстановится за неделю работы. Если бросить на год — придётся перепрочитать книгу. Но это твой выбор; книга работает не на принуждении, а на твоей собственной дисциплине.

III. ПРИЗНАКИ

По чему ты сам узнаешь, что прошивка прошла. Семь внешних признаков. Они наблюдаемы — не из ощущений, а из того, что ты замечаешь в собственных действиях со стороны.

Первый.
Ты замедляешься в незнакомой среде. Не чтобы найти ответ — чтобы услышать слои. Раньше ты в новой обстановке торопился разобраться. Теперь ты сначала молчишь и слушаешь.

Второй.
Ты не споришь с легендами. Ты их фиксируешь и оставляешь под ними пустоту. Раньше ты пытался разоблачать или принимал. Теперь — третий путь: видишь функцию легенды и не трогаешь то, что под ней.

Третий.
Ты называешь архитектора любой устойчивой структуры за две недели наблюдения. Не догадываешься — называешь. Если ты с структурой работаешь дольше двух недель и не можешь назвать её архитектора — структура не такая устойчивая, как кажется.

Четвёртый.
Ты различаешь собственные решения от решений своих мёртвых. Не всегда. Но всё чаще. До того как ты прочёл эту книгу, такого вопроса в твоей голове не было.

Пятый.
Тебе перестали быть нужны теории заговора. Ты видишь устройство без них. Объяснения через скрытые группы и тайные планы для тебя теперь — поверхностные истории; настоящее устройство мира — другого класса, и оно работает помимо чьих- либо «планов».

Шестой.
Тебя меньше волнуют «громкие новости». Ты видишь, на каком слое они происходят, и понимаешь, что это поверхность. На этом уровне информация обновляется быстрее, чем что-либо может быть осмыслено. Слои аппарата и фундамента работают в другом темпе.

Седьмой.
Ты больше не один. Не в социальном смысле. В структурном. Ты — этаж многоэтажной конструкции, под тобой — твои предки, над тобой

будут — те, для кого ты сейчас фундамент. Этого ощущения у тебя раньше не было; теперь оно с тобой постоянно.

Если у тебя выполняются хотя бы пять из семи — прошивка прошла. Если меньше — перепрочитай книгу через какое-то время. Возможно, не сейчас; возможно, через полгода или через год, когда жизнь сама поставит ситуации, в которых эти главы пройдут глубже.

Если выполняются все семь — ты вошёл в категорию людей, которых в Калабрии узнают по тому, как они смотрят. Их там не много. Тебе с ними будет проще, чем со всеми остальными.

Ты въехал в Калабрию ночью.
Сейчас ты возвращаешься в свою обычную жизнь. Дороги, по которым ты будешь дальше ездить, — не серпантины Аспромонте; над ними не висят кладбища с горящими свечами. Внешне всё другое.

Внутренне всё то же. Над тобой и над всеми, кого ты теперь будешь встречать, — горят кладбища. У некоторых — близко и плотно; у других — в десяти поколениях назад и почти невидимо. У всех — горят.

Это знание остаётся с тобой.

~ Ты въехал ночью. ~
~ Ты возвращаешься на свою дорогу. ~
~ Они наверху. ~
~ Они горят. ~
~ Над всеми. ~

ЛАБОРАТОРИЯ СЮКУМЭЙРЮ
宿命流
2026